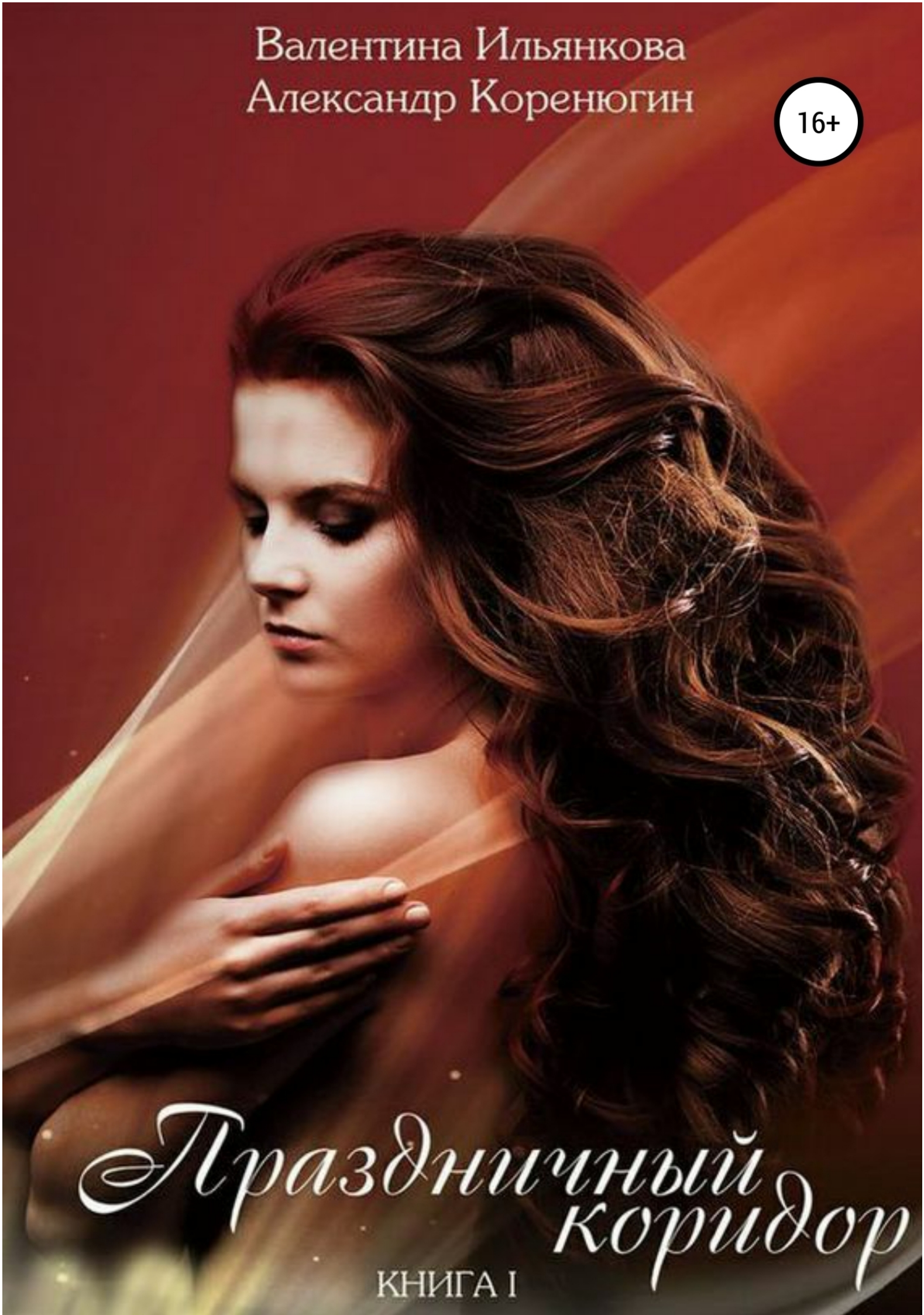
Валентина Ильянкова
Александр Коренюгин

16+



Праздничный коридор

КНИГА I

Валентина Ильянкова

Праздничный Коридор

«Автор»

2017

Ильянкова В. М.

Праздничный Коридор / В. М. Ильянкова — «Автор», 2017

Сюжет романа - ожерелье правдивых историй из взаимоотношений советских граждан. О любви приходящей, уходящей, либо на всю жизнь. О жизни советского человека в брежневском «застое» и горбачевской «перестройке». О денежных реформах и материальном благополучии граждан стран СССР в этот же период. О разбоях, грабежах и переделах государственной собственности в последнем десятилетии XX века. О становлении демократии, банковской системы, предпринимательства и политиков в одной из бывших стран СССР.

© Ильянкова В. М., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 8
Глава 2 18
Глава 3 28
Глава 4 38
Глава 5 51
Конец ознакомительного фрагмента. 57

В оформлении обложки использована фотография с https://www.shutterstock.com по стандартной лицензии

«… Я сама создам праздничный коридор моей жизни. И сама решу, в какой из небесных миров он меня поведет…»

Предисловие

По окончании университета Николая Бражкина направили на работу в далекий сибирский город, даже не город, а рабочий поселок в таежной глухомани, где был расположен металлургический комбинат. Из западных окраин Советского государства он уезжал работать в далекую восточную глубинку своей необъятной Родины. По меркам сокурсников, в подобные места обычно отправляют лодырей и бездельников на перевоспитание суровой рабочей действительностью.

Целеустремленный и эрудированный Коля Бражкин знал спецпредметы и экзамены мог бы сдавать только на «отлично», но оценки за результаты его знаний преподаватели всегда сознательно занижали. Всему виной была история КПСС. Николаю история партии и другие политические дисциплины, как предметы, были неинтересны, и он прямо об этом заявил на общем комсомольском собрании университета.

Случай для университета был неординарный, и его внесли отдельным вопросом в повестку дня заседания партбюро университета, где и постановили обратить внимание университетских преподавателей на аморальный облик зарвавшегося студента. Преподаватели отреагировали, и в зачетной книжке студента прочно прописалась оценка «удовлетворительно».

С отрицательной характеристикой университета и фанерным чемоданчиком Коля Бражкин прибыл на металлургический комбинат, где был принят на работу экономистом в плановый отдел. В те времена металлургический комбинат остро ощущал нехватку специалистов с высшим образованием, а Николай не просто был дипломированным экономистом, но и обладал незаурядным талантом аналитика.

Директор комбината нарадоваться не мог на молодого специалиста и вскоре назначил его начальником планового отдела. Жил Николай в общежитии барачного типа, но после повышения в должности ему профком завода обещал отдельную благоустроенную жилплощадь. Администрация комбината предпринимала все меры для того, чтобы молодые специалисты после отработки положенного законом срока не уезжали в более теплые края.

Коля Бражкин привык к суровой красоте таежного края, и менять место работы в ближайшем будущем не планировал. Тем более, что ночами стала сниться кареглазая директорская дочка Даша, которая тоже получила экономическое образование и работала в его отделе. Вместе с Дашей они уже вели обратный отсчет дням, оставшимся до ввода в эксплуатацию дома, где Коля должен был получить квартиру.

Директор комбината, участник войны, коммунист с большим стажем, отличный производственник в это время упаковывал свои вещи и собирался переезжать в Москву – его должны были перевести на работу в ЦК КПСС, но Даша оставалась здесь, потому что свою дальнейшую жизнь видела только рядом с Коленькой.

Но случилось непредвиденное – комбинат завалил план текущего квартала и вопрос перевода директора комбината на Московскую должность мог надолго затянуться или вовсе не состояться.

Начальник производственного отдела комбината Матвей, он же лучший друг Николая, предложил директору искусственно улучшить производственные показатели комбината в текущем отчете, и пообещал, что в следующем квартале он предпримет все меры, и объемы выплавки стали подтянет.

Николая позвали к директору и при закрытых дверях попросили исправить отчет. Ответственность за последствия, стуча кулаком себе в грудь, взял на себя Матвей – три-четыре месяца, и он сумеет подтянуть фактические объемы к плановым. Бражкин упорно не соглашался приписывать в отчет несуществующие тонны стали, но посмотрел на мрачное лицо своего будущего тестя и пошел переделывать отчет.

Отчет подписали и отправили в столицу, а через две недели оттуда прислали проверку. Приписки были сразу обнаружены, а материалы проверки отправлены в прокуратуру. Кому-то в столице очень не хотелось, чтобы сибиряк-провинциал занял высокую должность в ЦК КПСС.

Коля Бражкин, на допросе у следователя прокуратуры заявил, что ответственность за достоверность отчетных данных несет он, начальник планового отдела комбината. Директор о приписках в отчете ничего не знает. Суд приговорил Николая Бражкина к четырем годам исправительно-трудовых работ, и его этапом отправили в лагерь, затерявшийся в болотистых лесах Лабении.

Николай Бражкин был грамотным специалистом, к тому же малосрочником, и начальник лагеря взвалил на него учет и систематизацию производимой спецконтингентом продукции. Лагерь получил отлично налаженную систему учета, а заключенный Николай Бражкин – отдельную комнату и некоторые послабления в тюремном режиме.

Директор комбината вскоре после суда уехал в Москву, забрал с собой и дочь, Дашу. Дочери он пообещал, что позаботится о Николае, но породниться им уже не придется – не может в родственниках у работника ЦК КПСС состоять бывший уголовник. Даша была согласна на любые условия отца, лишь бы он сдержал свое обещание и помог Коленьке.

Однако отец не торопился с помощью и через год сказал ей, что помощь действительно реально будет, но для этого ей нужно выйти замуж, чтобы у него была уверенность в том, что она порвала все отношения с Николаем. И она вышла замуж за партийного функционера, на которого указал пальцем ее отец.

Только за полгода до окончания срока, в лагерь был отправлен Матвей с новыми документами для Николая Бражкина и большой суммой денег. Матвей не мог смотреть в глаза своему другу, говорил, что это он во всем виноват, но сейчас ничего нельзя исправить. Коля хмуро улыбался и отвечал, что срок вот-вот заканчивается и все останется позади.

Новые документы были выписаны на фамилию Колиного отца Чарышева, погибшего во время войны под Сталинградом. Еще Матвей сообщил, что личное дело заключенного Бражкина будет уничтожено вместе с остальными личными делами некоторых заключенных, о чем уже есть некий приказ подписанный несколькими министрами. Это достоверно известно от ответственного работника министерства юстиции. После освобождения Николай должен остаться работать здесь, в республике Лабения, на химическом комбинате. На этот счет существует договоренность с местными партийными органами. Правда, о Даше лучше забыть, потому, что она давно вышла замуж и счастлива в браке. На прощание Матвей долго и виновато жал руку Николаю, а потом, уже ступив ногой на порог, сказал:

– Я тут подсуетился и прикупил для тебя деревенскую девочку. Соскучился, небось, по женской ласке? Завтра тебе один местный проходимец приведет молоденькую красавицу. Ни о чем не беспокойся, я все устроил и услуги оплатил. Прости меня, Коля! Даст Бог, еще увидимся.

Глава 1

Неудачный день назначила судьба началом жизни Зосеньки Ромашовой – 29 февраля 1968, високосного, года.

Святой Касьян отслужил на страже у ворот ада положенные ему три года и явился на землю на целый год – имеет право почести от народа принимать. Святым Касьян стал через свое предательство, за которое выпросил у Бога прощение, но сам остался прежним Касьяном – недоброжелательным, корыстным, скупым, завистливым, злопамятным. Это о нем легенды твердят – "Пришел Касьян, пошел хромать, да на свой лад все ломать".

День его памяти отмечается народом раз в четыре года и этот, четвертый год, названный високосным, очень часто повторяет все зловредные черты характера святого Касьяна.

Родиться 29 февраля, значит, дни рождения отмечать всегда в обществе святого Касьяна – раз в четыре года. Грустная история! Но астрологи, всем рожденным 29 февраля, пророчили богатство с ранних лет до глубокой старости и любящих родителей, старость которых эти дети сделают счастливой и обеспеченной.

Но у Зосеньки не было родителей от рождения. Она родилась и сразу стала сиротой.

Все мы приходим в эту жизнь в одиночестве, но редких детей не принимают сразу мамины руки.

А Зосеньку мама родила, но на руки взять не захотела.

Так осталась Зося без родительской любви и поддержки, а судьба назначила ей тернистый жизненный путь с темными переходами и крутыми обрывами.

Природа при рождении одарила нас по-разному: одному – здоровье и талант, другому – красоту и ветреность, третьему – и то и другое.

Но жизненную дорогу мы выбираем самостоятельно. Конечно, здорово, когда тебе надолго подставлено родительское плечо, но и у замечательных, умных и любящих родителей иногда дети становятся мелкими людьми и жизнь их – благополучная, скучная череда дней, без острых углов и эмоций.

Дети без родительской любви и поддержки, как тоненькие тростиночки в зимнюю вьюгу – одних жизнь подхватит и унесет в дурман загулов с алкоголем и наркотиками, а те, которые гнулись, захлебывались, однако, выстояли, выплывали в реку жизни израненными, но стойкими, смелыми и мужественными людьми.

В советском государстве были приняты законы и постановления, гарантирующие детям-сиротам образование и дальнейшее трудоустройство. Но детдомовский менталитет ориентировал сирот на рабочую специальность и койку в общежитии. Редкие детдомовцы стремились продолжить свое образование, хотя их принимали вне конкурса, по направлению воспитавшего их детского дома. Сразу выделяли места в учрежденческих общежитиях и гарантированную стипендию от государства.

А Зося никакими льготами не пользовалась, потому что документами ее сиротство не подтверждалось

На самом деле у Зоси были родители. Правда, не было отца, но были две мамы. Ее настоящая, биологическая мама, Анюта, принесла дочку «в подоле» в неполные шестнадцать лет. Зосина бабушка, Юлия Дмитриевна Ромашова, среди деревенского люда просто Юлька, узнала о беременности дочери только по явно обозначенному животу, когда предпринимать что-либо было поздно.

Анюта сама выросла без отца. Когда Анюте было три года, ее отец погиб на колхозном зернотоку. Тогда из армии на побывку к родителям приехал сосед Иван. Был самый разгар

зерноуборочной страды, и в колхозе каждая пара рук была на учете. Семен, Юлин муж, просидел с Иваном за разговорами и банкой хлебного первача до утра.

А утром ушел на работу, на зерноток, где сушили сырой намолот, и больше домой не вернулся. Прилег на старый ватник, который расстелил на склоне бурта непросушенного зерна и заснул. Зерно, пригретое солнцем, потекло в бункер, вместе с зерном стек туда же и Семен. Затем в бункер добавили еще зерна. Мертвого Семена откопали только к вечеру.

Юля похоронила мужа на деревенском кладбище, а вместе с ним похоронила и свою молодость: надела черный вдовий платок и стала сторониться людей. Не смогла простить односельчанам, что не заметили Семена и засыпали зерном. Может, кто из сельчан и захотел бы на ней жениться, но подступиться к мрачной, озлобленной женщине было невозможно.

Сруб для нового дома, который успел Семен поставить невдалеке от старенького Юлиного дома, где они жили, стал чернеть и подгнивать. Юля понимала, что закончить строительство дома ей не по силам, а потому продала сруб дальнему соседу, чтобы глаза не мозолил и сердце не рвал. Сама пошла работать на ферму, а маленькую Анютку дома оставляла одну. Но дочку любила и как могла, баловала. Это был ее капитал, от которого она в скором времени надеялась получить дивиденды.

Мечтала, измученная непосильной работой, без выходных и праздников колхозная доярка, что дочь подрастет, получит образование, выйдет замуж, в семье появится мужчина и их жизнь изменится: из старой, дедовской хатки они переедут жить в город, в новый дом с красивой мебелью и непременно нейлоновыми занавесками, в семье будет достаток и покой. Они навсегда забудут свою окруженную лесами и болотами глухую деревеньку с жутким названием – Чертовщина.

И вдруг все рухнуло. А сколько пересудов было в деревне. Вот уж почесали языки деревенские кумушки! Всех мучил один вопрос: а кто ж отец ребенка?

– Доченька – уговаривала Юлия Дмитриевна – скажи от кого забрюхатела, мы его заставим жениться. Не сами, так председатель поможет или в райком поедем. Одной-то тяжело ребенка поднимать. Да если и не женится, то хоть алименты будет платить. А-то и дите, попросим взять на воспитание, а ты подрастешь, выучишься, выйдешь замуж и потом, может, заберешь ребенка. Ведь ты сама малая еще, школу вон не закончила, а погулять успела.

Но Анюта хранила молчание. Юлия Дмитриевна сначала уговаривала, затем начала ругать и упрекать дочь. Даже вожжами перетянула пару раз по спине, но все безрезультатно. Имя героя романа осталось под семью печатями. И ведь никто в деревне никогда не видел Анюту в мужском обществе. Долгими бессонными ночами Юлия Дмитриевна прикидывала самые разные варианты Анютиного падения.

Первым претендентом на отцовство был учитель сельской восьмилетки по физкультуре. В деревне его особенно не уважали и за глаза звали Колькой-приблудой. В деревне он действительно был человеком пришлым. Года три назад Колька освободился из заключения, женился на местной деревенской девушке Лене и устроился на работу в сельскую восьмилетку. Познакомился Колька с Леной в исправительно-трудовом лагере. После окончания кулинарного профтехучилища Лена возвратилась в родную деревню и устроилась на работу в лагерь, помощником повара.

Лагерь, в котором Колька отбывал наказание, находился в трех километрах от деревни, а если идти через лес, а не по шоссейке, то и двух километров не наберется. В лагере работали многие деревенские – все-таки не коров доить, и не в поле горбатиться над картошкой и капустой. Да и зарплату там по местным меркам платили немаленькую и, что очень важно для деревенского житья-бытья, деньги выдавались регулярно, один раз в месяц.

Этой весной Лена, жена Колькина, предложила и Анюте временную работу в лагере с весны до поздней осени. Работа не тяжелая, овощи почистить, на кухне прибраться, а за лето девчонка заработает приличную сумму, хватит на одежки-обувки к новому учебному

году. Юлия Дмитриевна с радостью согласилась, какая-никакая, а помощь. Она даже сходила в школу и договорилась с директором школы, чтобы Анютке разрешили на пару недель пораньше уйти на каникулы. Девчонка училась хорошо, а лишние дни обещали прибавку к заработанным деньгам.

Лена на работу уходила затемно, чтобы успеть нехитрый завтрак для заключенных приготовить. В основном-то это каша-размазня, но и та требует времени в приготовлении. Поэтому Анюту в первый раз на работу Колька повел через лес, дорогу показать и в лагерь провести.

– Может, и испоганил в лесу девчонку паршивец? – гадала Юлия Дмитриевна.

Анютка была в самой поре формирования девичьей красы. Длинные, не стриженные от рождения и заплетенные в толстую косу волосы, какого-то странного, необычного цвета гречишного меда и голубые, а иногда темно-серые глаза в обрамлении густых и длинных ресниц. Цвет Анюткиных глаз менялся в зависимости от смены ее настроения. Мать давно приметила, что если при разговоре внимательно смотреть в ее глаза, то всегда можно узнать, правду дочь говорит или виляет, запутавшись в лабиринтах лжи, и от этого сильно волнуется. Угловатая, по-детски тоненькая фигурка Анютки только-только начинала принимать женское очарование – появились остренькие грудки, округлилась попа.

Всю весну и летние каникулы Анюта работала в лагере. Первые две-три недели возвращалась домой хмурая, осунувшаяся и сразу пряталась в свой закуток за занавеской.

– Наверное, сильно устает – думала мать, – не так-то там легко работать, как Ленка рассказывала. Может, сказать Анютке, чтобы завтра не ходила в лагерь, пусть по двору поработает, огород присмотрит.

Но Анютка вдруг повеселела. С вечера готовила себе какие-то вещички. Утром долго расчесывала волосы и заплетала их в косу, ныряла в чистенькое платьице и убегала из дома. Именно убегала, даже не завтракала.

– На кухне поем, – успокаивала девчонка мать, – там Ленка уже что-нибудь приготовила.

Так и пробежало лето. Анюта действительно заработала деньги. Может, не так уж и много, но для Юлии Дмитриевны это было целое состояние. В конце августа они с Анютой выбрались в райцентр, спасибо председатель разрешил поехать на молоковозе. И пока водитель сдавал колхозное молоко районному молокозаводу, успели в городском универмаге накупить целое приданое для Анюточки и кое-что для Юлии Дмитриевны. Анюта примеряла юбочки и кофточки, раскраснелась, по вискам закучерявились колечки волос. Красавица.

Через пять, шесть лет можно замуж отдавать – любовалась и гордилась дочкой мать.

«Попрошу сестрицу, Василину, подыскать Анютке городского жениха. Замуж выйдет по знакомству – жить хорошо будет, в согласии и богатстве. Мужа-то надо будет подбирать не по красоте, а по уму и ловкости в работе. Да и родители, чтоб были оба, небось, помогут молодой семье и с жильем, и с работой. А уж поднимать малых детей, своих внуков, и я пригожусь. А Анюточка моя работать будет в городе, непременно бухгалтером, на большом заводе или фабрике».

Но не суждено было сбыться материнским мечтам.

В ноябре, на праздник октябрьской революции в гости к Юлии Дмитриевны из райцентра приехала младшая сестра Василина с мужем Олегом. К приезду родственников был забит кабанчик и несколько курочек. Домашние колбаски, кровянка и сало свежего засола наполнили чесночно-кориандровым запахом весь дом.

В былые времена это был любимый запах и Анютки, и Юлии Дмитриевны. Но в этом году Анютка, скорее всего, чем-то отравилась. Ее мутило и подташнивало, а к домашним деликатесам она даже не притронулась. Василина долго и внимательно присматривалась к племяннице, а потом неожиданно спросила сестру:

– Юль, а часом Анютка не беременна?

– Типун тебе на язык, – рассердилась Юлия Дмитриевна, – откуда? Ей ведь только пятнадцатый годочек минул. Да и не тебе знать-то, сама ты пока не рожала, и не знаешь, что это такое!

– Да, не рожала, – не унималась Василина, – но беременна была. Забыла что ли, что я в девичестве аборт сделала?

Василинин муж Олег был срочно отправлен за два километра в сельмаг за вино-водочными покупкам, а женщины вызвали на допрос бледную Анюту.

– Рассказывай, с мужиками миловалась, целовалась, подол задирала? – в гневе мать не соображала, что Анюта могла просто не понимать смысл ее вопросов.

Тетка Василина была мудрее.

– Юля помолчи, – попросила она разгоряченную сестру, – Анюточка, детка, скажи, когда последний раз у тебя были месячные? Подумай, посчитай и скажи точную дату, это очень важно.

Анюта нахмурила лобик, подумала и сказала:

– В конце мая, а потом мазня эта прекратилась – я и обрадовалась, все лучше, когда ничего не болит и все чисто. А сейчас я заболела животом – он распух и в нем что-то шевелится.

Юлия Дмитриевна вцепилась побелевшими пальцами в спинку стула. Допрос был продолжен, но уже на другую тему – с кем из мужиков Анюта завела любовь? Девочка опустила голову, закусила губу и молчала. Ясно было одно – скоро Юлия Дмитриевна и Василина станут бабушками. Уже совсем скоро.

Василина как могла, успокоила сестру, мол, утро вечера мудрее, что-нибудь придумается. Аборт делать поздно, пусть рожает, а там видно будет.

На следующий день Василина вместе с Олегом уехали из деревни в город, а Юлия Дмитриевна осталась со своими мыслями одна. В общем-то, не одна – рядом как тень мелькала беременная девчонка.

Что теперь делать, как дальше жить, чем оправдаться в дочернином беспутстве перед скорыми на язык односельчанами?

Конечно, от ребенка нужно избавиться – многие отдают детей на воспитание бездетным семьям или сдают в детский дом, а проще всего оставить ребенка в больнице, а уж там врачи разберутся, куда его пристроить.

В школу Анютка перестала ходить, все больше сидела дома – прятала от людей свой выросший живот. Хорошо, что хоть восьмилетку успела закончить, иначе бы затаскали мать по сельсоветам и райкомам партии за то, что не получила девочка обязательное по советским законам восьмилетнее образование.

А ведь и на партийную комиссию могут в райком партии вызвать. Вот сраму-то будет – Юлия Дмитриевна, передовая доярка и коммунистка, дочь не усмотрела! Если вызовут сейчас, то и из партии исключат.

Года два назад Юлию Дмитриевну вместе с председателем колхоза вызывали на заседание партийной комиссии. Тогда разбирались, почему колхозная рекордсменка корова Зорька не смогла растелиться и погибла. Пенсионеры-коммунисты долго допытывались у доярки, по какой причине колхоз не уберег корову, известную своими высокими надоями не только в области, но даже и в республике. Ведь председатель колхоза уверял, что для коровы созданы особые условия содержания, и зоотехник ежедневно, самолично, проверяет ее кормовой рацион. Юлия Дмитриевна долго убеждала дотошных старичков, что корова не смогла растелиться по простой причине – теленок неправильно шел, а ветеринар уехал в район к сыну, дело-то было ночью в субботу. Надо же и ветеринару когда-нибудь отдыхать.

Промолчала она тогда по просьбе председателя колхоза, что корова Зорька никогда не была рекордсменкой. Это была обычная колхозная корова со средним удоем молока. А рекорд-

сменкой она стала бумажной, когда в группу Юлии Дмитриевны добавили одну, неучтенную корову. Доились две коровки, а молочко записывали на Зорьку. Эта неучтенная коровка принесла славу колхозу, а доярке – почет и уважение. Именно из-за рекордных надоев коровы Зорьки Юльку в деревне стали уважительно величать Юлией Дмитриевной.

– Какая она вам Юлька? – урезонивал председатель колхозных доярок, – с ней секретарь райкома за ручку здоровается, за работу благодарит и Юлией Дмитриевной называет, а вы тут Юлька да Юлька, чтобы больше этого не слышал.

А слово председателя колхоза в деревне покрепче государственного указа будет.

Наказали ее тогда за нерасторопность при отеле ценной для района коровы. Вынесли партийный выговор с занесением в учетную карточку и предупредили, что за следующее нарушение партийной дисциплины она будет исключена из рядов партии. Председатель колхоза утешал, что пройдет год, и выговор снимут, а если бы в райкоме партии узнали правду, то его, председателя колхоза сняли бы с работы.

Она бы этого хотела? Нет, Юлия Дмитриевна считала, что старый друг лучше новых двух, не нужен им новый председатель. Да и свою славу передовой доярки губить не хотелось. Теперь история с Зорькой стала забываться, а партийный выговор с Юлии Дмитриевны через год по ходатайству колхозной парторганизации действительно сняли.

Конец осени и почти всю зиму Анюта не выходила из дома. Слонялась по углам, с матерью почти не разговаривала. На вопросы отвечала кивком головы или кратким «да» и «нет». Про пеленки-распашонки никто не думал, словно этот вопрос мог разрешиться самостоятельно.

Двадцать девятого февраля у Анюты начались схватки. Мать запрягла в сани старую кобылку, приписанную к ферме на подвозку кормов, кинула туда же соломки, усадила стонущую Анюту, прикрыла дерюжкой и повезла в сельский фельдшерско-акушерский пункт за пять километров.

По дороге Анюта уже протяжно кричала, но Юлия Дмитриевна кобылку не подстегнула. Лошаденка плелась по укатанной лесной дороге тихим уставшим шагом – намаялась за день на ферме.

«Покричи, покричи, – злорадно думала мать, – может, нагорюешься, так и скажешь имя своего кавалера. А мне сейчас спешить некуда».

К акушерскому пункту они подъехали в сумерки, там уже никого не было. Старая уборщица открыла им дверь и побежала за деревенским фельдшером, которая жила на другом конце деревни.

Когда фельдшер появилась в маленьком приемном отделении пункта, Анюта уже родила. Юная мама лежала на кушетке, в ногах у нее копошился ребенок. А под кушетку ручейком стекала кровь.

Старая акушерка поняла, что роды были быстрые, неуправляемые. Хрупкое детское тельце не было развито и подготовлено к родам, скорее всего, порвалась матка. Нужно в первую очередь, срочно вызвать из Горевска скорую помощь, чтобы успели спасти роженицу, а потом самой попытаться чем-то помочь истекающей кровью девчонке и ее родившемуся дитю. Анюту и, завернутую в старый белый халат родившуюся девочку, вскоре отправили в Горевскую больницу, а Юлия Дмитриевна возвратилась домой. По дороге она думала о том, что может, бог приберет к себе ее непутевую дочку и нежданную, нелюбимую внучку. А ей бы не проспать утреннюю дойку.

В областную больницу Анюту скорая помощь успела доставить живой. Ей срочно была сделана операция по удалению разорванной матки и переливание крови. Затем Анюту перенесли в маленькую одноместную палату и посадили возле ее кровати медсестру. Врачи искренне жалели эту красивую деревенскую малышку. Каким же кнутом ее ударила жизнь и где в это время были взрослые, близкие ей люди?

Родившаяся девочка была отправлена в детское отделение. Это был здоровый и вполне развитый ребенок. Ребенка вымыли, завернули в больничные простынки и положили в кроватку. Утром медсестры удивлялись – девочка за ночь ни разу не заплакала и только утром закряхтела и заворочалась. Отдохнула и запросила сухие пеленки и молоко.

Прошло четыре месяца. Анюту готовили к выписке из больницы. Физически она была здорова. Правда, стала бесполым существом, хотя сама этого не осознавала. Выписывалась Анюта одна, без дочки. Пару раз врачи пытались ей показать ребенка, но хмурая и растрепанная Анюта отворачивалась к стене и отказывалась взять тугой кулек в руки. Пытался поговорить с ней главврач и тоже безрезультатно. Дочь ей была не нужна!

Тогда Анюту перевели в общую палату к другим роженицам. Расчет был простой и наивный – девочка увидит, как другие мамочки кормят и нянчат своих крох и попросит принести свою малышку. Но и этот маневр врачей результата не принес.

– Анютка, – спрашивала соседка по палате юную мамашу, – а ты ребенку имя уже придумала?

– Нет, пусть врачи придумают.

– А зачем врачам заморачиваться с чужим ребенком? Скажи им спасибо, что тебе жизнь спасли. Ходят слухи, что тебя в больницу чуть живую привезли. Вот выходили, да еще и с ребенком нянчатся, пеленают, кормят, медсестры по детскому отделению на руках носят. Ты ведь грудью дочку не кормила?

– А лучше бы я умерла. И девчонку пусть не кормят, мне ее забирать некуда. Мать домой с ребенком не пустит и деревенские засмеют, скажут, байстрючку принесла.

– Ты, Анюта, не торопись от дочки отрекаться. Жизнь у тебя только начинается, детей больше не будет, а эта подрастет, ты и не заметишь, потом подругами будете. И мама твоя еще, может, передумает, и любить внученьку будет.

– Мамка не передумает. Партийная она, и боится, что из-за меня, ее из партии исключат. А мне никакие дети не нужны, да и жизнь мне тоже не нужна.

После таких аргументов обитательницы палаты затихли, а потом и вовсе боялись с Анютой говорить, мало ли, что придет девочке в голову – покончит жизнь самоубийством, а они будут виноваты. Нет, пусть лучше с ней врачи беседуют.

Анюта хотела домой. Не к мамке, а просто вернуться в свою деревню, на огороде посмотреть какие огурцы выросли, корову свою потрогать, из цветов в поле венок сплести. И обязательно в лагерь сходить. При мыслях о лагере перед Анютой сразу всплывало мужское небритое лицо с хмурыми карими глазами и жесткими черными волосами. Лицо, вроде, как и красивое, но неприятно-пугающее из-за постоянного угрюмого выражения, но … Анюта запомнила, тонкие желтые очки и такого, же цвета блестящий зуб во рту. Она была просто поражена: как же это красиво – желтый зуб во рту. Золотого зуба в деревне ни у кого не было. Такое лицо можно запомнить и полюбить только за очки и диковинный зуб! А мамка – ей она припомнит, что вожжами ее хлестала, ругала и пилила, хотела узнать ее, Анютину, тайну. Вот и в больницу ни разу не приехала. К соседкам по палате каждый день кто-нибудь приходит и гостинцы приносят. Особенно стараются мужья и матери. Ну, хорошо, у Анюты нет мужа, но мамка могла и должна была приехать. Не приехала, все ругается, что Анюта ее опозорила. Что ж, и Анюта с ней так же поступит – тот человек из лагеря купит ей машину красную и дом в городе. Колька об этих подарках ей все уши прожужжал, значит, так оно и будет. Вот она одна и уедет в город, а мамке там не место.

«А может мне лучше совсем мамку добить, – думала Анюта,– не буду ждать машину и дом. Приеду домой, обойду все места любимые, а потом выпью уксус, что на припечке стоит. Мамка говорила, что это очень крепкий уксус, им можно обжечься и умереть. Вот и хорошо, выпью и сожгу себе все нутро. Тогда врачи уж точно не спасут. Пусть мамка плачет на моей могиле. Наверное, похоронит меня рядом с отцом, и будет выть над двумя могилами».

А как же маленькая, рожденная девочка? Это было что-то лишнее, ненужное, выросшее в ее животе и мешавшее ей жить. Она не хотела ребенка, не была готова к такому раннему материнству. Сейчас у Анюты снова плоский живот и никто там не шевелится. Ну и, слава Богу, поскорее уехать домой и все забыть. А уж дома она разберется, как ей дальше жить. Девочку она решила оставить здесь.

Анюта верила, что девочке здесь будет лучше, чем в деревне – кругом чисто, и харчи бесплатные. А дома жизни не будет от насмешек односельчан и презрения родной матери.

Но была еще одна проблема, мучившая Анюту и днем и ночью. Ей скоро можно будет возвратиться домой, но как она туда доберется? До родной Чертовщины нужно ехать автобусом сначала в райцентр, а там пересесть на другой автобус. Денег на билет у Анюты не было! Она бы пошла пешком по шоссе, ночи сейчас теплые, можно и под кустом в траве отдохнуть. Но вот беда – в больницу везла ее мать зимой, в зимних ботинках и тулупчике. А сейчас ей одеть совсем нечего. Мучилась неизвестностью Анюта, потихоньку плакала в подушку, а соседки по палате думали, что переживает девочка, жалко ей своего ребеночка оставлять в больнице, значит, не совсем еще совесть потеряла. Может, одумается и заберет ребенка из больницы. Поэтому с разговорами не навязывались, у каждой своих забот хватало.

Однажды Анюта увидела во сне, как она идет пешком в зимних ботинках ночью по шоссе, и до Чертовщины осталось идти всего ничего, деревня где-то рядом.

Анюта проснулась и потихоньку рассмеялась.

– Ты чего среди ночи смеешься? – спросила женщина с соседней койки – может тебе нехорошо и нужно врача позвать?

Койки в палате стояли парами. Соседкой по койке у Анюты была кругленькая, общительная Тамара, которая тоже родила девочку.

Тамара, взрослый, состоявшийся человек, по-матерински жалела забытую родственниками Анюту и каждый день подкармливала ее, то конфеткой, то печенюшкой или вареньицем. Анюта привязалась к Тамаре и иногда вздыхала: «Мне бы такую мамку»

– Нет, врача не нужно. Смеюсь я над собой. Столько думала, как мне в свою деревню добраться и ничего не придумала. А вот во сне приснилось, что идти-то нужно ночью, а днем отдыхать, чтобы перед людьми не было стыдно.

– Подожди, ты что, же в деревню собралась пешком отправиться?

– Ну да. Денег у меня на автобусный билет нет, и на ноги есть только зимние ботинки. А сейчас лето. Что люди обо мне подумают, когда увидят такое огородное пугало в летний день. Еще и в милицию могут сдать.

– А сколько километров от Горевска до твоей деревни?

– Я точно не знаю, но до райцентра километров сорок, а там до Чертовщины еще километров двадцать будет. Но я быстро дойду, ноги у меня крепкие.

– Подожди, девочка, это абсурд какой-то. Пешком шестьдесят километров, летом, в зимних ботинках! Ох, горе ты мое! Это уже проблема и она требует решения. Ладно, ты спи, мы что-нибудь придумаем.

Анютка, убаюканная ласковым голосом, вскоре снова заснула, а во сне видела васильки на ржаном поле, по которому она шла, взявшись за руки со своей мамкой. И мамка не ругалась, а гладила рукой Анюткины волосы и что-то тихонечко ей шептала.

На следующий день наведать Тамару пришла дочь-школьница. Тамара увидела девочку и засияла глазами:

– Доча, ты прямо из школы и ко мне? А когда уроки будешь делать, домой-то, когда доберешься?

– Не волнуйся, мамочка, я часть заданий на завтра уже в школе подготовила. По тебе соскучилась и может, ты мне сестренку покажешь? Все в школе спрашивают, какая у меня сестричка, а я ее еще не видела.

– Пока смотреть на нее нельзя, она совсем маленькая, а сейчас тем более спит. Вот приедем мы с ней домой, тогда и наглядишься. А у меня к тебе дело есть, давай выйдем в фойе, посекретничаем. Тамара обняла дочь за плечи и увела из палаты.

Через три дня в послеродовую палату, где лежала Анюта, зашла медсестра и сказала:

– Ромашова, тебя главврач больницы вызывает. Его кабинет в другом корпусе. Дорогу сама найдешь или тебя проводить?

– А ты не знаешь, зачем я ему понадобилась?

– Наверное, выписывать будут. Да ты не бойся, он у нас добрый человек и тебя не обидит. Так тебе дорогу показать?

– Лучше показать, в ваших коридорах можно заблудиться.

Медсестра довела Анюту до кабинета главврача, тихонько постучала в дверь и пропустила Анютку в тесный кабинетик.

Главврач был не один.

– Ну, здравствуйте, Анна Семеновна, – сказал он, – вот врачи говорят, что Вы совершенно здоровы, и мы можем выписать Вас из больницы домой. Ваш ребенок тоже здоров и готов к выписке. Я правильно говорю, Зоя Николаевна? – Обратился он к миловидной женщине в белоснежном халате.

– Да, Егор Анатольевич, Вы совершенно правы. Девочка Ромашова прекрасно набирает вес, никаких противопоказаний к выписке нет. Анна Семеновна, Вы забираете ребенка домой? Мы сообщим в райздравотдел, что ребенок выписан по месту жительства несовершеннолетней мамы и попросим закрепить за вами врача и медсестру из района.

– Нет, – прошептала Анюта,– я уже говорила, что не могу ребенка забрать. Меня даже одну мамка может домой не пустить. А еще и ребенок, он же не может жить на сеновале? – Привела веский довод Анюта.

– Ну, что ж, мы это предвидели, – сказал главврач, – и пока выпишем Вас, Ромашова, без ребенка. Вы поедете домой, поговорите со своей мамой и возвращайтесь за ребенком. Но учтите, мы долго в больнице ребенка держать не сможем. В течение двух лет Вы, Анна Семеновна, должны забрать ребенка, иначе ребенок будет передан в детский дом. Отказную от ребенка, мы требовать пока не будем. Взрослейте, Ромашова, и приезжайте за дочкой.

– Ромашова, – в разговор вмешалась Зоя Николаевна, – Вы не дали имя ребенку. В отделении девочку называют Зосей, у вас есть другое имя или Вы согласны с этим?

– Зося? Я не знаю такого имени, но мне оно нравится.

– Зося – это Зоя. Если Вы согласны, то мы и в дальнейшем будем называть девочку Зосей, только Вы потом не передумайте.

– Не передумаю, красивое имя, пусть будет Зосей, – Анюта откровенно радовалась, что ее выписывают из этой больницы, да еще и без ребенка, – спасибо Вам, что меня вылечили, и за Зосей будете приглядывать. А я мамку попрошу, чтобы разрешила Зоську домой в деревню забрать. Может и разрешит. Тогда я за ней и приеду. А пока пусть здесь поживет.

Анюта торопливо шагала по больничным коридорам в палату – скорее – скорее забрать свои вещи и бегом – бегом в родную Чертовщину. Только бы врачи не передумали и оставили Зоську здесь, в больнице.

В палате Анюту ожидал еще один сюрприз – на ее кровати лежал огромный, пузатый пакет.

– Это что? – спросила Анютка улыбающуюся Тамару, – ко мне мамка приехала? Где она?

– Нет, мама твоя не приехала. Это тебе подарок от моих дочерей. Смотри и примеряй. Я думаю, что все должно быть впору. Вы с моей старшенькой почти однолетки, а она у меня девушка со вкусом.

– Это все мне? – Анюта выложила содержимое пакета на кровать.

– Ну да. Здесь слух прошел, что тебя завтра выписывают. И что дочку ты скоро заберешь. Люди правду говорят?

– Может, и заберу попозже, так главврач разрешил. А сейчас куда я с ней пешком, хоть и босоножки теперь есть, а тащить ребенка будет тяжело. Да и мамка может в дом не пустить, придется жить на сеновале.

– Глупая, никуда ты пешком не пойдешь. Завтра, когда будут готовы твои документы, приедет мой муж на машине и отвезет тебя прямо в твою деревню. Только о дочке не забывай. Поняла? Ну, а если ты сейчас не поняла, то повзрослеешь и обязательно поймешь. Девочка не должна остаться сиротой при живой матери. Анютка, тебе можно верить?

– Да, я буду стараться. Пойду на ферму работать дояркой. Мамка председателя колхоза попросит, и он меня возьмет. А деньги заработаю и приеду за Зоськой. Зоська маленько здесь поживет, а потом можно и в деревню ее забрать.

– Так, что, ты уже назвала дочку Зоськой? Красивое и правильное имя ты выбрала для дочери. Зоя в переводе с греческого языка означает жизнь. А что может быть важнее жизни – только сама жизнь. Умница, Анюта.

– Имя придумали в детском отделении, – решила быть честной и правдивой Анюта, – а я только дала согласие, чтобы девочку так называли.

«Мне ведь никакой разницы нет, как ее будут называть» – подумала Анюта, но свою мысль вслух не осмелилась произнести.

На следующий день Анюта заплела в косу свои дивные волосы, принарядилась в летний сарафанчик и босоножечки, обняла и поцеловала Тамару, и ушла из больницы. На ребенка взглянуть она не захотела.

Внизу возле приемного отделения, ее ожидала красная машина.

«Вот такую красную машину мне подарит тот человек с золотым зубом. Приеду домой и попрошу Кольку, чтобы отвел меня в лагерь с ним повидаться. Пусть долги отдает – обещал ведь Колька, что, если никому не расскажу, что он со мной делает, то мне подарят дом в городе и машину. И имя его узнать надо, врачи спрашивали про отчество для Зоськи»– подумала Анюта и осторожно уселась на переднее сиденье.

– Ну, хозяйка, рассказывай куда едем, и почему из роддома одна возвращаешься? А где же твой малыш?

– Домой меня отвезите, деревня Чертовщиной называется. Там мы с мамкой живем. А ребенок мой нездоров, врачи пока его в больнице оставили. Потом приеду и заберу.

Анюта облегченно вздохнула: значит, ничего своему мужу Тамара о ней не рассказала. И снова подумала: «Мне бы такую мамку».

Тамарин муж был неразговорчив, довез ее до поворота с указателем «Чертовщина» и высадил: дальше дороги не было. До деревни оставалось метров пятьсот и пешком недалеко.

Анюта подошла к своему покосившемуся старенькому домику – мамка должна быть дома, на дойку коров еще рано. Открыла дверь и через сени и кухню прошла в горницу. Странно, прежде чистенькая кухня была заставлена немытыми, закисшими горшками и грязной посудой. Такой же беспорядок был и в горнице. Мамка прямо в испачканных в навозе калошах лежала на измятой неубранной кровати.

– Мам, ты чего, заболела?

Мать зашевелилась, приподняла голову с подушки:

– А, явилась, не запылилась. Конечно, болею. А от дочери никакой помощи нет, залегла там по городским больницам. Нет бы, приехать, подсобить мамке – прибраться или коров колхозных подоить.

– Не могла я, только сейчас из больницы выписали. А ты, похоже, самогону напилась. Вон банка пустая, и стакан.

– Не тебе меня судить. Видишь, учитель выискался. Хочу и пью. А ты вырядилась, что нового хахаля нашла? Давай, мой халат и сапоги надевай, да шагай на ферму, коров подоишь за меня. Давай быстро, мне не подняться, голова раскалывается.

Так для Анюты началась новая жизнь: с пьяной мамкой, колхозными коровами, собственным скотом, огородом. Круговерть с раннего утра и до поздней ночи. Свои мысли о самоубийстве она забыла – мстить было некому, пьяная мамка и не заметит, что Анюта умерла. Новый дом в городе и красную машину ей тоже не купили. А покупать-то было некому. Колька сказал что мужчина, к которому он приводил Анюту, был зэком, сейчас освободился и куда-то уехал. Имени его Колька не знает. В колонии он был учетчиком или бухгалтером, уважаемым и авторитетном человеком среди зэков, которые называли его «Старшой», а имя там большого значения не имеет, его никто и не спрашивал.

Глава 2

Зоя Николаевна, заведующая детским отделением Горевской больницы, шла в палату к своей маленькой пациентке Зоське. Вчера для Зоси были приготовлены подарки, и медперсонал отделения томился в ожидании торжественного момента их вручения. Маленькой воспитаннице детского отделения и всеми любимой Зосе сегодня исполнялось два года. Вообще-то не сегодня, а завтра только исполнится, но февраль в этом году заканчивался двадцать восьмым числом и медицинские сестрички решили, что отсутствие дня рождения – большая несправедливость по отношению к их воспитаннице. Поэтому сами назначили для Зоси еще один день рождения – двадцать восьмое февраля. Девочка очень рано научилась разговаривать и, причем, сразу предложениями. Молоденькие сестрички не уставали отвечать на ее вопросы и часами не спускали ее с рук. В общем, сегодня в отделении был праздник. И только Зоя Николаевна грустно думала о том, что главврач больницы ей уже дважды напоминал о том, что пора девочку передавать в детский дом. Ведь Зосина мамаша как уехала в свою деревню, так больше и не показывалась в больнице.

Зоя Николаевна месяц назад ездила в деревню поговорить с мамой Зоси. По лицу Ромашовой-мамы при виде Зои Николаевны пошли красные пятна, трясущимися руками она под диктовку врача начала было писать отказную от ребенка, но потом бумажку порвала. Да и поговорить то толком они не смогли – пришла пьяная Ромашова – старшая и начала кричать, что понаехали, мол, тут всякие городские, никакой нормальной жизни, давайте быстро освобождайте территорию.

Уже когда Зоя Николаевна отошла от дома, ее догнала Анна и пообещала, что найдет свою тетку, которая живет в райцентре и попросит ее оформить все документы на Зосю, чтобы больница смогла передать девочку в детский дом.

– А Вы сами не хотите посмотреть на девочку? – спросила Зоя Николаевна Анюту.

– Нет, не хочу. Да и времени у меня нет. Я коров на ферме дою, мамкину группу взяла.

– Это Вы напрасно. Девочка Ваша, красавица и умница. Разговаривает, каверзные вопросы задает. На Вас очень похожа. Такого же цвета волосы и глаза. Приезжайте, мы вас устроим переночевать в больнице, с дочкой наиграетесь. Можно у нас пожить пару дней. Ну, что, приедете?

– Нет, – ответила Анюта. Резко повернулась и ушла.

И вот прошел месяц, а в больницу никто так и не приехал.

– Зоя Николаевна, – окликнула догонявшая ее медсестра,– тут к Вам пришла женщина. Говорит, что родственница малышки Зоси.

– А где она сейчас?

– Вы уж меня простите, я ее в палату к Зоське провела.

– Правильно сделала. Пойдем знакомиться. Неужели нашлась хоть одна живая душа, которой интересен этот ребенок? Или это простой курьер по доставке документов? Что ж, сейчас разберемся.

В палате у Зоси действительно была красивая, ухоженная женщина лет сорока. Зоська спрыгнула с ее колен, подбежала к Зое Николаевне и сказала:

– Вот, ко мне мама приехала.

– Зосенька, это не мама. Ты давай к сестричкам сходи, проверь, правильно ли они пирог твой именинный разрезали, а мы с тетей скоро придем. Будем чай пить.

– Хорошо, только это мама.

Когда Зося ушла, Зоя Николаевна сказала:

– Давайте знакомиться. Я предполагаю, что вы тетя Ромашовой и привезли нам документы на передачу ребенка в детский дом.

– Да, я действительно тетя Ромашовой. Зовут меня Василина. Только приехала я забрать девочку к себе. У нас с мужем нет детей. Семья получилась какая-то скучная, ущербная, нет общих забот, кроме, бытовых. Ребенок нам будет в радость. Мне так уж точно.

– А почему же Вы раньше не приехали?

– Почему раньше не приехала? Не знала, что у Анюты есть ребенок. Юля, сестра моя, мне, да и всем в деревне сказала, что ребенок родился мертвый, а Анюта устроилась в городе на временную работу, может учиться поступит, так и совсем в деревню не вернется. А когда Анюта возвратилась в деревню, то подтвердила, что ее ребенок умер, сразу после родов.

– А сейчас кто Вам сказал о ребенке?

– Так вот Анюта и сказала, передала письмо с главным бухгалтером колхоза. Он по делам в район приезжал и мне письмо прихватил. Я работаю в райисполкоме в сельхоз отделе, мы с ним знакомы.

– И о чем же Вас просила Ромашова?

– Просила оформить документы на девочку, чтобы Вы смогли передать ее в детский дом. Но сейчас я приехала с другой целью. Мой сегодняшний приезд связан с твердым намерением забрать ребенка в мою семью. Я готовилась к встрече с Вами, даже выстраивала какой-то диалог, искала нужные слова, чтобы Вы смогли меня понять, а вот сейчас где-то их растеряла. Дело в том, что у меня нет детей, и не может их быть. Ранний аборт искалечил меня, мне не дано быть мамой. Я потом, когда вышла замуж, долго лечилась, но, увы, безрезультатно.

– А Ваш муж тоже хочет взять этого ребенка на воспитание?

– В том-то все и дело, что муж с прохладцей отнесся к моему решению удочерить девочку. И не то, чтобы против, но и не за. Он привык, что единственный ребенок в семье – это он, возможно, в девочке видит будущего соперника.

– Но без согласия мужа Вы не сможете удочерить ребенка. Даже и разговора не может быть на эту тему.

– Понимаю. Но я посоветовалась с юристом и мы кое-что придумали.

– Ну, и что же он Вам посоветовал?

– Все очень просто. Анюта, мать ребенка, подпишет все документы по выписке ребенка из больницы по ее местожительству. А малышку я заберу. Девочку все равно в деревню категорически везти нельзя – Юля решила, что у нее жизнь закончена и тоску по богатой жизни в городе топит в самогоне. А Анюта замоталась по хозяйству, и если ей ребенок не нужен был раньше, то теперь она о девочке уж точно никогда не вспомнит.

– Ну, хорошо, а если Ваш муж категорично не захочет дочку и Ваша семья начнет разрушаться, тогда что Вы будете делать с девочкой? Сдадите в детдом или отвезете к нерадивой мамаше?

– Девочку я не оставлю при любых обстоятельствах. Бывает, конечно, форс-мажор, так там мы не можем принимать решения – природа сама решит за нас.

– Конечно, отдать девочку в детский дом мы всегда успеем. А Зосю очень не хочется отдавать в сиротский приют – девочка умница, ласковая, самостоятельная. Даже носочки и трусики свои пытается постирать. Мы ее тут все любим.

– Зоя Николаевна, Зося это ведь Зоя?

– Да, это наши сестрички так малышку назвали, они знают, что когда-то я для своих подружек была тоже Зоськой. Муж и сейчас меня так называет.

– Прекрасно, если Вы не возражаете, то я буду просить мать Зоси оставить ей имя Зоя, а отчество – Николаевна, ну, а фамилия у нее есть – Ромашова.

– Нет, я не возражаю, пусть будет моей тезкой. А если ей суждено будет повторить мою судьбу, то тоже ничего страшного – ошибки бывают в жизни каждого человека, и у меня они есть, но не страшные. Я трудоголик, люблю свою работу и своих маленьких пациентов.

– Я постараюсь быстро управиться с документами. Когда мне можно будет забрать малышку?

– Через недельку приезжайте, подпишите все бумаги у Анны Ромашовой и забирайте. Мне почему-то хочется Вам верить. А сейчас – чай пить с именинным пирогом. У Зои Николаевны Ромашовой сегодня день рождения. Даже два дня рождения – два года назад она родилась, а сегодня наконец-то нашлась для нашей девочки мама.

Через две недели Василина оформила свидетельство о рождении Ромашовой Зои Николаевны. В графе «отец» записали имя Николай. Спасибо помогли подруги сделать все быстро. Но в деревню ей пришлось съездить, попросить Анюту, чтобы подписи свои поставила в нужных местах. Юлия Дмитриевна, когда услышала, что отчество у девочки Николаевна снова разгневалась, раскричалась: – Я ведь догадывалась, что это Колька-приблуда Анютке ребенка приделал. Даже к Ленке ходила, думала, что-нибудь скажет, как-то проговорится. Она-то наверняка знает, с кем Анютка ребенка прижила. Молчит, стерва, как в рот воды набрала.

– Успокойся, Юля. Отчество ничего не решает, можно любое записать. Мы вот записали «Николаевна», чтобы наша Зоенька полной тезкой была Зои Николаевны. Это врач, которая два года была ей вместо папы и мамы. И вообще, какое тебе дело от кого Анюта ребенка родила? Не хочет говорить, ну и не нужно. Главное, что у тебя есть внучка. Ты бы посмотрела, какая чудесная девочка, и на Анютку похожа

– Нужна она мне! Я одну-то чуть на ноги поставила, работала, спину не разгибала. Ты-то не знаешь, как бабе одной в деревне жить без мужика. В городе устроилась, как сыр в масле катаешься, и мужик у тебя золотой – все Линочка да Линочка. Без твоего разрешения и шаг в сторону не сделает.

– Много ты знаешь о моей жизни. И муж у меня не такой золотой, как со стороны кажется. Зачем ему шаг в сторону делать – он привык на диване лежать и на меня покрикивать. А хороший и послушный он только на людях. Так удобнее. А что это я тебе жалуюсь, ты никогда меня не понимала, не поймешь и сейчас. Разные мы с тобой люди, Юля.

– Да куда уж мне, сельской доярке, до тебя городской. Только смотри, надоест девчонка, мы ее к себе не примем. Повезешь сама в детский дом сдавать. Поняла?

– Я, Юля, все давно поняла. Ты Анюту в больнице не навестила, и внучку родившуюся живой похоронила, правда сестрица? Зосю я никогда к Вам не привезу, и сама больше не приеду. А ты, Анюта, если захочешь дочку увидеть – приезжай. Встречу, как дорогого гостя, а ребенку можно не говорить, что ты ее мама.

С тем и уехала Василина из своей родной Чертовщины. А по дороге думала:

«Может название деревни такое негативное влияние оказывает на людей. Юлька раньше была доброй и веселой. Наша кошка Мурка принесет четырех котят, одного можно оставить, а остальных родители прикажут закопать. Так сестра спрячет котят, а потом по деревне ходит и всех упрашивает, чтобы взяли котенка на подворье. Так всех и пристроит. А тут такое выкинула – от родной внучки отказалась.

И Анютку затуркала, ходит в землю смотрит – боится глаза на людей поднять. Надо подсказать председателю райисполкома, чтобы поменяли название деревни.

Чертовщиной деревню еще до революции назвал местный помещик с пьяных глаз. Старики рассказывали, что деревня называлась Солнечной, да вот что-то люди не угодили помещику, он и распорядился поменять название деревне. Уж сколько лет советской власти, а деревня все Чертовщиной зовется».

Василина не стала откладывать, и сразу из деревни поехала в Горевск, за Зосей. Малышку собрали быстро, потом сестрички долго ее тискали и целовали, рассовывали по карманчи-

кам ее шубки конфетки и маленькие игрушки. Проводить Зоську пришла и Зоя Николаевна. Молча, подняла девочку, прижала к себе, сказала:

– Будь умницей, слушайся маму. А Вам, Василина Дмитриевна, много здоровья и терпения. А вообще– то самое главное – любите друг друга и все получится.

В свой районный центр Ивановск Василина с Зосей добрались в густые сумерки. В домах ухе горел свет. Светились окна и в квартире Василины – значит, Олег дома и Василина сейчас обязательно получит выговор за то, что ужин не приготовлен к его приходу.

Василина открыла дверь, в прихожей раздела Зосю и только потом спросила:

– Олег, ты дома?

– Конечно, дома. А почему ты так поздно, уже давно положено мужу на стол накрыть, а у тебя на кухне еще и конь не валялся.

– Олег, выйди сюда. Я не одна. Хочу тебя представить интересной особе.

В комнате послышалась какая-то возня – видимо Олег приводил себя в порядок, прежде чем предстать перед интересной особой. Каково же было его разочарование, когда в прихожей он увидел маленькую девочку.

– Это и есть твоя дочь? – спросил он Василину.

– Почему моя? Она наша дочь. Зося познакомься – это твой папа.

Девочка протянула Олегу крохотную ручку и сказала:

– Меня зовут Зося. Давай, папа, дружить.

– Ну вот, что, – Олег не замечал протянутую к нему ручку, – дружить ты будешь вот с этой дурой, которую зовут Василиной. А меня зовут не папа, а дядя Олег. Ты все поняла?

– Да, – кивнула Зося, – ты совсем плохой дядя.

Прошло почти двенадцать лет.

Зося росла, иногда болела, сначала ходила в детский сад, затем училась в школе. Обычная жизнь, обычной девочки. Училась Зося охотно и легко. Даже четверки редкие гостьи в ее дневнике, в основном по всем предметам «отлично». Олег так и не стал для Зоси папой, жил рядом, своей отдельной жизнью. Зося для него была не больше, чем тень от большого фикуса – цвет он тоже не любил. Зато Василине Олежек выдавал по полной программе: не так поставила стул, суп подала горячий, не ту ложку положила, хлеб не тот купила, котлеты жирные приготовила и … бесконечно. Не стесняясь, девочки, он выговаривал Василине, что она балует Зосю, покупает часто конфеты и дорогие вещи, дает ей деньги сбегать в кино. Что Зося бездельница и лодырь, не стирает белье, в квартире не прибирается, еду не готовит.

Василина не вступала в перебранку, но когда Олег заходил в кухню, из ее рук выскальзывала посуда и разбивалась, она краснела и покрывалась испариной. Уже давно в голову закралась мысль о разводе. Но раньше она надеялась, что Олег одумается и станет для Зоси отцом. Потом разводиться, как бы стало поздновато, не тот возраст – что люди подумают. Так и жила в постоянной тревоге и страхе от невыносимого нытья здоровенного мужика.

И это несмотря на то, что главным добытчиком в семье была Василина. Квартиру она получила от райисполкома, как молодой специалист еще в девичестве. Зарплату приносила в дом в разы больше, чем ее муженек, да и жил он за ней, как за каменной стеной. Василина и продукты купить, и постирать, и на садовом участке поработать.

В райисполкоме Василина заведовала крупным отделом и одновременно исполняла обязанности заместителя председателя райисполкома, была уважаемым и узнаваемым в районе человеком.

А вот Олег – карьера у него не получилась, рядовой снабженец в строительной организации. За нерадивость и отсутствие, какой либо инициативы, его два года назад хотели сократить, без предоставления другой работы, но уговорила Василина начальника строительной организации. Олега оставили на работе, но это не добавило ему доброты.

Постоянное брюзжание и шипение перерастало в паранойю. Однажды Василина приготовила борщ и попросила Зосю приправить его на плите укропчиком. Зося вместо укропа посыпала борщ зеленью кинзы. Тарелку с борщом для Олега на стол поставила Василина. Олег взял ложку борща, принюхался и вдруг злобно плюнул прямо в лицо Зосе, которая сидела напротив его, а тарелку с борщом бросил в Василину – он не любил запах зеленой кинзы. Василина сначала опешила, потом кинулась к плачущей Зосе:

– Зосенька, пойдем, помоем лицо и протрем каким-нибудь кремом. Прекрати плакать, солнышко, глазки завтра будут красные, а тебе в школу идти.

Зося яростно терла лицо намыленной губкой, плакала и шептала:

– Мне кажется, что он в меня ядом плюнул. За что он меня так ненавидит?

– Зосенька, у него просто характер такой несчастный – он всех не любит. Пройдет время и все забудется. Успокойся, доченька.

Но Зося долго еще всхлипывала и смахивала слезинки. Оскорбление было невыносимо тяжким.

Василина тогда пробовала решительно высказать мужу все, что она о нем думает.

Но разговора не получилось.

Олег ходил из комнаты в комнату, как будто что-то потерял, а вот теперь пытался найти. Василина следовала за ним и говорила, говорила, но ее слова отскакивали от него и ссыпались на пол. Он, похоже, ничего не слышал, а вернее не хотел слышать.

– Олег, что ты мотаешься, как маятник в ходиках? Давай поговорим. Наша семья на грани развала. Я не могу и дальше прощать твои выходки и приму кардинальные меры.

– Да принимай ты любые меры, только отстань от меня.

Олег захлопнул дверь их общей спальни, в скважине замка повернулся ключ. Разговор был закончен.

Василина зашла в комнату к дочери: – Как ты, детка, успокоилась? Прости его, не носи обиду в сердце. Обида разрушает человека, изъедает, как ржавчина ест металл.

– Мама, ну как же можно забыть такое? Он ведь даже не извинился.

– Зачем тебе его извинения? Ты просто прости, а он пусть живет со своей злостью наедине. Ну, что договорились?

– Да, мамочка, я постараюсь все забыть. Только ты, пожалуйста, накрывай ему на стол отдельно. Я больше не смогу сидеть с ним за одним столом.

– Вот это, Зосенька, я обязательно исполню. Ты будешь кушать одна или только со мной. Ну, а сейчас спать. Я, с твоего разрешения, сегодня буду спать на твоем диванчике.

– Я только рада, что ты будешь ночью рядом со мной. А может, ты совсем перейдешь в мою комнату – я буду спать на диванчике, а ты на моей кровати?

– Наверное, наверное. Но это будет завтра, а сегодня я занимаю твой диванчик.

На следующий день Василина действительно перенесла свои домашние вещи – тапочки, халатики и ночнушки в комнату к Зосе.

Какое счастливое время наступило для Зоси – вечером они укладывались в свои постели и обсуждали все события уходящего дня. А событий было много: тема сочинения, разговор с подружкой, судьба маленького котенка, который поселился в подъезде. А тут и мальчики стали свою дружбу предлагать – вместе сходить в библиотеку, а то и в кино. Раньше Василине не хватало времени помочь дочери правильно расставить все фигурки на шахматной доске ее девчоночьей жизни – работа, домашние и дачные хлопоты, семейная круговерть. А сейчас, выкроенный перед сном час-полтора, помогал обеим обрести уверенность в завтрашнем дне и забыть проблемы текущего.

Но главная проблема их семьи никуда не исчезла, а продолжала нарастать. Олег готовился к разделу имущества: снял в аренду гараж и начал потихоньку выносить и вывозить из квартиры вещи. Он решил примерно наказать жену – сначала тайно вынести из квартиры все

имущество, а потом разделить судом квартиру. Олег понимал, что заработанных им денег едва ли хватало на ту сытую жизнь, что все эти годы обеспечивала ему Василина. Но желание сломать, уничтожить отвернувшуюся от него женщину окончательно разрушило его человеческое достоинство. В его планы не входил бесповоротный разрыв с женой – он только хотел унизить ее, заставить ползать перед ним на коленях, просить прощения, умолять вернуться назад. И он вернется, но она забудет, что у нее есть девчонка. Он заставит Василину сдать Зойку в детский дом или отвезти в деревню к непутевой мамаше. Правильно, лучше всего в деревню, пусть тоже коров доит, это их родовая профессия.

Василина стала терять на своей кухне кастрюльки и сковородки, в шкафу простыни и пододеяльники. Она не задумывалась, куда исчезло постельное белье: вздыхала и сетовала на свою рассеянность – опять растеряла в прачечной.

Прозрение пришло, когда из двери в ванную комнату исчезла недавно установленная ручка – защелка. Пришлось с вопросами обратиться к Олегу:

– Олег, ты не знаешь, кто вынул ручку из двери?

– Не знаю, – ответил Олег и отвел глаза в сторону.

Василина оторопела. Тогда кто же хозяйничает в квартире в их отсутствие?

Может в квартире побывали воры? Она кинулась проверять содержимое шкафов и антресолей. Потихонечку, тайком от мужа она собирала приданое для своей любимой Зосеньки – несколько наборов посуды, комплекты белья, золотые и серебряные безделушки. Там же был спрятан небольшой запас наличных денег и сберегательная книжка.

Все исчезло. Даже, странное дело, пропали крышки для домашнего консервирования и пустые банки с навинчивающимися крышками. Василина решила проверить свои дачные запасы овощей, которые хранились в небольшой подвальной кладовке. Там тоже было пусто. Дверь в кладовку не взломана, замок был закрыт на ключ.

Василина позвонила в дверь соседней квартиры, там жили старички, пенсионеры. Они тоже делают запасы овощей на зиму и пользуются общим подвалом. Бдительные пенсионеры обязательно что-нибудь заметили.

– Татьяна Ивановна, – спросила она открывшую дверь соседку, – у меня из квартиры пропали вещи, а из подвала консервация и овощи. Вы ничего подозрительного не заметили? Вероятно, все было вывезено на машине.

– Да, Линочка, видели. Твой муж, Олег, уже несколько недель выносит вещи из квартиры. Он же и овощи вывез на машине. Мы не стали вмешиваться – думали, вы поссорились, вот и делитесь. А, как известно, муж и жена – одна сатана. Как поссорились, так и помиритесь. Прости, Лина, мы обязательно тебе бы сказали, но думали, что, Олег, забирает свои вещи с твоего согласия.

– Спасибо, что хоть сейчас правду сказали.

Василина на ватных ногах возвратилась в свою квартиру. Олег сидел на кухне и ел приготовленный Василиной для Зоси ужин.

«Вот, урод, – подумала Василина, – денег в семью уже несколько лет вообще никаких не дает, в конечном итоге обокрал нас с Зосей, и сидит, ест чужую пищу, как святой младенец».

– Олег, ты решил уйти от меня?

– Да, я ухожу. А ты оставайся со своим приемышем.

– Хорошо, уходи, а зачем имущество воруешь? Ты ведь прекрасно знаешь, что все покупалось за мои деньги, для Зоси.

– Вот этого я не знаю. Все покупалось в браке, значит, имею право забрать свою долю. Все, что осталось и квартиру разделим судом. Не вздумай что-нибудь спрятать или продать – я опись мебели и техники сделал и подписал в жэке.

Олег забрал уже упакованный чемодан и направился к двери:

– Ты, если захочешь меня вернуть, то Зойку отвези в деревню, своей сестричке-алкоголичке. Подумай, и вспомни, как хорошо мы жили, пока ты девчонку не привезла.

– Ничего хорошего в прошлом я не вижу, и возвращаться туда, даже мысленно, не хочу – мне надо думать о будущем. У меня дочь подрастает. И потому я приложу все усилия, чтобы ты сюда больше никогда не вернулся.

Когда Зося пришла из школы, Василина лежала на диване.

– Ты, что, мамочка, приболела? Опять давление подскочило? Давай таблеточку принесу.

– Спасибо, дочка, ничего не надо. Таблетку я уже выпила. Вот полежу, и все пройдет.

– А где дядя Олег? Это он тебя обидел?

– Дядя Олег ушел. И даст Бог навсегда.

– Так мы теперь с тобой вдвоем остались?

– Да, ребенок, вдвоем. Дядя Олег нам всегда чужим был и я, думаю, для тебя его уход небольшая потеря?

– Я даже рада, что он ушел. А тебе я во всем буду помогать, ты только скажи, что нужно сделать, и я мигом.

– Ты, Зосенька, учись – это твоя главная мне помощь. А в остальном, я сама справлюсь. Дядя Олег мне никогда помощником и другом не был. Простой альфонс.

– А кто такой альфонс?

– Подрастешь, дочка, и сама разберешься, кто такой альфонс. Лучше всего, чтобы такой человек никогда не встретился на твоем жизненном пути.

Василина не жалела украденные Олегом вещи – было бы здоровье, и вещи появятся новые и красивее прежних. А квартиру она муженьку разделить не даст. Здесь Зося будет жить. Замуж выйдет, детей нарожает, квартира хоть и не большая, но места всем хватит.

Василина постепенно успокоилась и начала привыкать к своей новой, благополучной жизни, без оскорблений и постоянного брюзжания.

Приближался любимый праздник – новый год, а там и Зосин день рождения не за горами. Василина уже пару раз ходила в магазин и присматривала для дочери подарки. Девочка быстро взрослела, и в этом году Василина хотела подарить ей маленькие ручные часики в золотом корпусе. Пусть будет подарок на всю жизнь.

Часики она в своем магазине не нашла, но завмаг пообещала заказать их через оптовую базу и обязательно к новому году. Оставалось только подождать.

Когда вечером в ее квартире раздался телефонный звонок, Василина решила, что звонят из магазина, и не позволила Зосе подойти к телефону. Но звонила участковый врач из районной поликлиники:

– Василина Дмитриевна, извините, что звоню домой. Вы не смогли бы немедленно прийти в поликлинику.

– А что случилось?

– Я Вам в поликлинике все объясню. У меня прием до 19 часов.

– Хорошо, сейчас приду.

Василина оделась и пошла в поликлинику. В душе суетился какой-то жуткий страх и предчувствие беды – у Зоси в школе недавно работала бригада детских врачей, могли что-нибудь обнаружить у девочки!

«Не дай Бог, – пробовала отмахнуться от дурных мыслей Василина, – из Горевской больницы Зосю выписали совершенно здоровой, никогда не было патологии у Анюты и Юли. Это я знаю точно. А чего я не знаю? Не знаю, кто отец Зоси. Это он по наследству мог передать Зосе какую-нибудь страшную болезнь!»

В поликлинику Василина уже не вошла, а вбежала.

Кабинет участкового терапевта находился на втором этаже. Василина прошла один лестничный пролет и вдруг схватилась за перила – голова закружилась, перед глазами поплыл туман.

– «Вот паникерша, – ругала себя Василина, – еще ничего не знаю, а уже готова сознание потерять. Спокойнее, через пять минут станет все понятно».

– Здравствуйте, Наталья Петровна, – Василина заглянула в приоткрытую дверь кабинета участкового терапевта, – пришла по Вашему вызову. К Вам можно зайти?

– Входите, Василина Дмитриевна. Вас я ожидала, поэтому пораньше закончила прием больных. Присаживайтесь на стул. Нам нужно кое-что обсудить.

– Речь пойдет о здоровье моей дочери?

– Что Вы, Василина Дмитриевна, о здоровье Вашей дочери я ничего не знаю. А что, есть какие-то проблемы?

– Уже нет, это я себе дорогой нафантазировала. Слушаю Вас, – улыбнулась Василина. Теперь она была готова трезво воспринимать любую информацию.

– К нам в поликлинику обратился Ваш муж. У него обнаружено венерическое заболевание. Поэтому наш гинеколог забеспокоилась и попросила пригласить на обследование Вас.

– Да, дела! А когда он заболел?

– Обратился к нам он сегодня, а заразился, видимо, 5-6 дней назад. Говорит, что был в бане. Но явно, правду скрывает.

– Мой муж месяц назад ушел из семьи. А интимные отношения мы с ним прекратили уже давно. Так, что у меня должно быть все в порядке.

– Очень хорошо, но Вы редко посещаете гинеколога. Врач просила ей показаться. Ну, хотя бы для записи в карточку.

Гинеколог осматривала Василину долго и тщательно. Потом попросила акушерку сходить еще за одним врачом. Снова долгий осмотр, но уже вдвоем. Пока Василина одевалась, врачи потихонечку что-то обсуждали.

– Ну что, готовы выслушать меня, Василина Дмитриевна?

– Да, – Василина уселась на стул напротив врача.

– При внешнем осмотре мы не установили никаких признаков венерического заболевания. У Вас взяли анализы на лабораторные исследования, но я почти уверена, что ничего из венерологии выявлено не будет.

– Я тоже так считаю.

– Но, Василина Дмитриевна, вам немедленно необходимо пройти полное обследование по моему направлению. Сначала сдадите анализы, затем я вам выдам соответствующие назначения.

– Скоро новый год, и хотелось бы без суеты к нему подготовиться. Нельзя обследоваться после праздников?

– Это откладывать нельзя. Дело в том, что у вас обнаружена большая опухоль. Что это за опухоль – доброкачественная или злокачественная, установить можно только развернутым обследованием. И уже только потом начать лечение. В данной ситуации промедление смерти подобно.

– Хорошо. Срочно, значит, выполним срочно, – согласилась Василина.

Она забрала несколько заполненных ручкой маленьких бумажек и пошла домой.

«Рак? У меня не может быть рак, – думала Василина, – во-первых, у нас в роду женщины от рака не умирали. Во-вторых, должна же в природе существовать какая-то справедливость – ведь если я умру, то Зося снова останется совершенно одна. Ну, а в-третьих, я пока не готова умирать, мне со страшной силой хочется увидеть мою девочку взрослой и понянчить внуков».

Но анализы подтвердили у Василины прогрессирующую злокачественную опухоль, тот самый рак. Лечь в больницу для проведения более тщательного обследования она не захотела.

А назначать операцию по удалению опухоли врачи не торопились, так, как у Василины был выявлен еще и сахарный диабет.

Василина понимала, что раковая опухоль стремительно разрастается и операция может привести к обратному результату – сократить ее жизнь, и поэтому не хотела терять драгоценное время на тягостное лежание в больницах и очереди в поликлинике. Отпущенное ей время жизни она хотела потратить с пользой – подготовить Зосю к самостоятельной жизни. Это была ее жизнь и ее право правильно ей распорядиться.

– Зося, может случиться так, что заботиться о тебе будет некому. Ты должна научиться заботиться о себе сама.

– Я и сейчас умею о себе заботиться. Когда ты уезжаешь в командировку в колхозы и совхозы, я сама готовлю себе завтраки, и в холодильнике всегда что-нибудь припасено к твоему приезду. Ты разве недовольно мной, мама?

– Не о том я, дочка. Дело в том, что я тяжело заболела. В жизни всякое бывает, и ты можешь остаться без меня. Конечно, ты уже взрослая девочка, умеешь купить продукты и что-то приготовить из них. Но, Зосенька, чтобы купить продукты, необходимо иметь деньги. А без меня, денег у тебя просто не будет.

– Ну, что ты, мамочка, мы тебя вылечим. Я больше тебе не позволю выполнять домашнюю работу. Я успею все сделать сама – и в магазин сходить, и в квартире прибраться, и уроки подготовить. А ты отдыхай. И на работу ты не ходи – раз ты больна, тебе ведь положен больничный, вот и отдохни.

– Нет, я пока буду работать. А домашнее хозяйство тебе действительно нужно взять на себя. Только не забывай про учебу и собственный отдых.

– Я справлюсь, мама. Ты не беспокойся, и учебу не запущу.

– Хорошо, ребенок. Я еще одну проблему хотела с тобой обсудить. Мы с тобой раньше планировали, что ты окончишь десять классов, и будешь поступать в институт. Я хочу предложить другой вариант твоего образования – ты сейчас учишься в восьмом классе. Кстати, если помнишь – это ты решительно заявила, что в школу ты идешь в шесть лет. Сейчас я понимаю, как ты была права, а тогда все тебя отговаривала, и приводила смешные доводы – ты девочка, тебе некуда спешить, в армию только мальчиков призывают. Оказывается, дети тоже иногда принимают очень правильные решения.

– Просто очень хотелось уйти из садика. И мне к первому сентября исполнялось шесть с половиной лет. А это уже почти семь.

– Да, я все помню, но я о другом. Ты оканчиваешь восемь классов и можешь поступить в техникум. В областном центре есть техникум по подготовке банковских работников. Специализация тебе вполне подходит – экономика и бухучет. Ты хотела получить образование экономиста?

– Да, это то, что я хочу. Но у нас в классе девочки узнавали – оказывается, чтобы туда поступить учиться, мало хорошо сдать вступительные экзамены, но еще нужно иметь направление на учебу от банка. А где мы его возьмем?

– Ребенок, я тоже уже проконсультировалась у знающих людей. Давай мы с тобой, нашу программу разделим на две части – я позабочусь о направлении на учебу, а ты хорошо сдаешь вступительные экзамены. Зосенька, я подчеркиваю, именно сдашь экзамены на отлично. Это очень важно. Сможешь?

– Ну, в общем-то, я всегда экзамены стараюсь сдать на отлично. Но отметка «хорошо» тоже не самая плохая.

– Нет, Зося, ты способный и организованный человек и отныне должна учиться только на отлично. Ты поступаешь в техникум с отличными оценками и тебе сразу обеспечена стипендия, место в студенческом общежитии и материальная помощь от выдавшего направление на учебу

банка. После получения среднего специального образования, ты сможешь сразу поступить в институт. Я думаю, банк не станет возражать – всем нужны в штате профессионалы.

– Я согласна, мама.

– Но условия прежние – учеба только на «отлично». Это тебе задание от меня на ближайшую перспективу. Согласна? Осилишь?

– Я буду очень стараться, только ты поправляйся.

Глава 3

А жизнь продолжалась… у каждого своя.

Для Зоси это была череда длинных, скучных дней с повседневной работой по дому и учебой в школе. Зося научилась в магазинах и на рынке прицениваться, присматриваться к качеству и внешнему виду продуктов, избегать продавцов, которые обманывали и обвешивали при любом удобном случае. К удивлению Василины, Зося готовила для них обеих вкусные обеды и завтраки и, при этом, расходы на питание значительно сократились.

Зося не просто готовила исходя из наличия продуктов в холодильнике, а каждый день составляла меню. Она выяснила у Василины, какая диета ей подходит, и строго подбирала необходимые продукты в магазинах. На кухне появились книги по кулинарии с закладками на завтрашний день. Педантичная Зося строго исполняла рекомендации врачей по питанию больной Василины. В первый месяц сэкономленные деньги Василина хотела передать Зосе в качестве бонуса за экономию, но Зося запротестовала – ей не нужна награда за то, что она должна выполнять по долгу дочери перед своей любимой мамой.

В своей комнате Зося повесила большой настенный календарь и отметила красным квадратом летний день следующего года, день, когда она поедет в Горевск и начнет сдавать экзамены в техникум. Зося втайне надеялась, что ее успехи окажут положительное влияние на здоровье Василины, и она снова станет жизнерадостной и веселой. Конечно, она сдаст все экзамены на пятерки, а как же иначе – она обещала мамочке. И нет у нее никаких сомнений в своем успехе. Только вот как оставить мамочку без ее заботы? Внешне Василина почти не изменилась – причесана и одета как всегда элегантно, ногти в порядке и духи те же. Но Зося всем своим существом чувствовала, что мамочка как-то отдаляется от нее, прячется за какую-то невидимую стену. Долго о чем-то думает и временами не замечает, что Зося давно стоит возле ее кровати. Василина продолжала работать, но дома силы ее оставляли и большую часть времени она проводила в постели. С врачами общалась неохотно и лекарства принимала только по настоятельному требованию дочери.

– «Ладно, – вздыхала Зося, – потом что-нибудь придумаю. Ведь не завтра же мне уезжать. Может мамочка к лету поправится – все-таки осень и зима здоровья не добавляют. А если мне отложить поступление в техникум и остаться дома? Но мамочка не позволит, она мне верит. А может мне соседку, Татьяну Ивановну, попросить маме помощь оказывать по дому, когда меня не будет? Ведь, если я поступлю в техникум, мне придется надолго уехать в другой город. Правда, каникулы всегда можно провести дома. Как мамочка говорила, когда я с вечера не успевала уроки приготовить? «Утро вечера мудренее, иди спать, а с утра все решится». Так я и поступлю – придет время уезжать, тогда все и решу».

Для Василины, наоборот, дни пролетали с невероятной скоростью, приближая ее к последнему дню жизни. Боялась она его, этого последнего дня? И да, и нет. Боялась она своего последнего дня по простой причине, что он наступит очень быстро, и она не успеет удостовериться, что Зося хоть как-то в этой жизни устроена. Не боялась потому, что была оптимисткой по жизни и давно поняла, что в этой жизни ничего постоянного и вечного нет. Все приходит и уходит.

Так же и жизнь заканчивается у всех одинаково, просто срок у каждого свой. Срок жизни Василины был до обиды коротким – не успеет она часть своих земных дел завершить. Вот и дочь на полдороге оставляет, а ей она еще долго будет нужна. Но дочь – это глобальная проблема, а есть еще текущие дела, на завершение которых нужны просто жизненные силы.

К первоочередной задаче Василина относила завершение бракоразводного процесса с Олегом. Как же смогла она столько лет служить этому ничтожному человеку? Она была твердо

уверена в том, что и рак, и сахарный диабет – это болезни, которые развились и стали прогрессировать в ее организме в результате постоянных стрессов, унижений и оскорблений от «богом» данного мужа. Она жила с чувством непроходящего страха, ожидания грядущих неприятностей и прилюдных унижений. И вот, результат – тяжелые, неизлечимые болезни, которые были ей посланы за рабскую жизнь во благо злобного, первобытного существа. Давно нужно было уйти от этого, паразитирующего на ее авторитете и социальном положении, человека, которого и мужиком-то назвать было невозможно.

Василина раньше чувствовала, а сейчас была убеждена, что Олег ей постоянно изменял с другими женщинами. Страсть к женщинам у него была какая-то животная – все, что шевелится, лишь бы не отказала. Жизнь с такой успешной женщиной, как Василина, как-то украшала его, придавала значимость и загадочность, и многие, даже очень интересные женщины на это покупались. Но две-три встречи, видимо, сразу расставляли все по своим местам. Жадность и скупость этого человека была безграничной – за всю свою жизнь он ни одной женщине не подарил цветы. А неумение общения с близкими людьми? Вот уж истинную правду гласит пословица – бей своих, чтобы чужие боялись.

Олег мог часами вести светские беседы с посторонними людьми и совершенно не умел общаться с женой и приемной дочерью. Или не хотел?

В обществе друзей Василина была вынуждена молчать, так, как Олег постоянно ее перебивал, пренебрежительно оттопырив губу – мол, все пустое, что может сказать эта глупая женщина?

Первые годы совместной жизни Василина пробовала ему что-то доказывать, рассказывать, объяснять, что близкие люди должны беречь друг друга, если они хотят встретить старость вместе.

Олег, в лучшем случае, просто выходил в другую комнату или увлеченно рассматривал газету. Постепенно Василина научилась рядом с ним молчать, вот только сердце бешено колотилось, а руки становились холодными и влажными.

Василина терпела его рядом двадцать пять лет своей жизни, загубленной жизни. Она должна была иметь безупречную репутацию, иначе могла потерять престижную работу, которой очень дорожила. Распад семейной ячейки рассматривался партийными органами, как аморальное явление в жизни советского человека. Но распад ее семьи фактически совершился много лет назад. И вот только сейчас, на пороге своей смерти, Василина твердо решила очиститься от Олега, как от какой-то скверны и уйти в другой мир свободной и независимой.

И дело было не в имуществе и квартире – оставила бы она ему все, да вот как же Зосю оставить без кола и двора. Просто необходимо собрать все свои оставшиеся силы и освободить от «прилипалы» себя, а заодно и Зосино жизненное пространство!

Василина собрала нужные документы и подала иск в суд на развод и принудительное выселение Олега из квартиры. Теперь нужно только подождать. Суд скоро состоится, и она обязательно его дождется.

А тем временем наступал новый год. Зося, купила возле магазина и принесла домой маленькую, замерзшую елочку. Квартира наполнилась праздничными запахами – сначала чудно пахло свежестью и хвоей, потом из кухни понеслись ароматы ванили и корицы. Зося сооружала торт, пекла булочки и печенюшки. Конечно, Василине все это было противопоказано, но к ней в гости на новый год собирались заглянуть подруги. В кои-то века, вот Зося и старалась. И когда ребенок постиг тайны кондитерских шедевров?

Сама Василина была искусной хозяйкой – приготовить вкусную еду, сшить обнову для себя или дочери, связать кофточку или шарфик, квартиру принарядить – все у нее получалось быстро и красиво. Но, вот Зосю старалась не перегружать и никогда особенно не настаивала, чтобы девочка научилась прилично готовить – в крайнем случае, можно перекусить в кафе или купить полуфабрикаты, с ними быстрее и проще.

Зосю в жизни Василина видела экономистом, ну или бухгалтером. Зося обладала удивительной способностью быстро все просчитывать в уме. И пользу или выгоду какого-либо приобретения Зося всегда излагала не просто словами, а цифрами. Вот уж арифмометр.

И сейчас, прежде чем составить меню для Василины на следующий день, Зося, закусив карандаш, всегда просчитает калории и углеводы в каждом блюде. А иначе нельзя, врач сказала, что коль Василина не хочет принимать лекарства, то лечить ее нужно строгой диетой.

– Мама, а тебе я испекла булочки из гречневой муки. Тебе очень полезна гречка. И углеводов никаких.

– Спасибо, ребенок. Все, что ты приготовишь – мне полезно.

– Нет, мама, я тут приготовила кое-что для твоих подруг. Вот торт, например, ты, пожалуйста, не ешь. И картошка тушенная тебе не нужна. Я для тебя отдельно приготовлю рыбку отварную под соусом. Только ты ничего не перепутай, я же не смогу при твоих друзьях напоминать о диете. Ты слышишь меня?

– Да, ребенок, спасибо, я все запомнила. А ты подойди ко мне, у меня для тебя подарок приготовлен.

Василина протянула дочери бархатную коробочку. Зося открыла и увидела маленький золотой кулончик на длинной цепочке.

– Мама, как красиво. Это можно на шее носить?

– Не просто можно, но и нужно. Это золотые часики, они оформлены, как кулон, а с обратной стороны есть медальончик. Ты, прости меня, но я уже вставила туда свою фотку. Так мне мое сердце подсказало. Но, если ты захочешь, то можешь фото заменить.

– Нет, ничего я менять не буду. Здесь может находиться только твое фото.

– Не зарекайся, дочка. В жизни всякое случается – может, встретишь человека, полюбишь и захочешь его фото иметь при себе. Ты меняй – я не обижусь. Просто у тебя сейчас наступают в жизни не самые лучшие времена, и я хотела бы быть всегда рядом с тобой.

– Мама, как я тебе благодарна, даже не за часики, а за тайный медальончик с твоей фотографией. Спасибо огромное. Я с этими часиками никогда расставаться не буду.

После нового года Василина позвонила управляющему районного отделения банка, где обслуживался счет райисполкома и сельхозуправления:

– Здравствуйте, Василий Петрович, узнали меня?

– Конечно, Василина Дмитриевна, как Вас не узнать?

– Василий Петрович, я не буду Вас отвлекать новогодними поздравлениями. Вы сейчас, скорее всего, перегружены работой – банковский годовой баланс, как мне известно, самый емкий среди отчетов остальных предприятий. Поэтому приступлю сразу к делу. Просьба у меня к Вам большая. Моя дочь в этом году оканчивает восьмой класс, и мы с ней приняли решения, что она будет поступать в Горевский банковский техникум. Но туда нужно направление банка. А без направления даже документы рассматривать не будут.

– Василина Дмитриевна, а как она учится в школе?

– Зосенька отличница.

– Это очень хорошо. Отделение не имеет право выдавать направление на учебу, нам для этого не выделяются средства. Головной филиал наш в Горевске, там же и техникум расположен. Филиал постоянно обучает молодежь. Я на следующей неделе еду с предварительным отчетом в филиал и, думаю, смогу получить для вашей дочери направление на учебу. А пока Вы или дочь поднесите мне некоторые документики.

– Спасибо, Василий Петрович.

– Да, пока не за что.

Василий Петрович положил трубку и подумал: «Какая потрясающая женщина, сама смертельно больна, а продолжает заботиться о дочери. Да к тому, же еще и приемной».

Да, районный центр Ивановск небольшой городок, все знают друг друга. И слухи здесь расползаются со скоростью ветра – не успеешь в одном конце городка чихнуть, как во втором – уже здравия желают. Так и о болезни Василины все давно знали. Клятва Гиппократа писалась не для местных врачей.

О том, что его жена смертельно больна, узнал и Олег. Побежал морально поддержать Василину или помощь оказать? Вовсе нет. Ему вчера принесли повестку с предложением явиться в суд для развода и раздела имущества.

А зачем ему раздел и последующий развод? Ситуация сейчас складывается в его пользу. Он не будет разводиться – Василина долго не проживет, и делить ничего не нужно. Зойку вообще можно во внимание не принимать – официально Василина ее не удочерила. Это просто замечательно, что в свое время он, Олег, не дал согласие на удочерение.

Какой он дальновидный и как удачно все сейчас сложилось! В первую очередь Олег решил встретиться с Василиной и убедить ее отказаться от судебных разбирательств. Конечно, он сможет ее убедить – раньше она всегда послушно исполняла его требования. Даже свою любимую Зойку не удочерила, потому что муж не позволил.

Олег по-хозяйски, без стука, рывком открыл дверь райисполкомовского кабинета. Василина, как он и ожидал, находилась на рабочем месте.

«Наверное, за рабочим столом и умрет, – подумал Олег, – однако, она не похожа на умирающего человека, только похудела и бледная, как сама смерть».

– Привет, есть дело – слова вылетали резко и отрывисто, Олег явно демонстрировал свое недовольство, – ты зачем, блин, заявление в суд написала? Что сами не можем договориться? Имущество, видите ли, она будет делить!

– А когда с тобой можно было договориться?

– А ты попробуй меня попросить, может, я и домой бы вернулся.

– Вот это, совсем необязательно. Делиться ты давно уже начал, только без моего участия, просто забирал все и выносил, когда нас дома не было.

– А ты докажи!

– И доказывать не буду, что упало – то пропало. Все остальное поделит суд. И развод судом оформим, и фамилию я по суду поменяю – снова стану Ромашовой!

– Что ты затеяла? Отдай все мне и не судись. Тебе ничего уже не нужно – ты скоро умрешь, остались считанные денечки. Даже до суда ты, скорее всего, не доживешь. Так, что, давай, забирай заявление из суда.

Василина бессознательным движением прижалась к спинке стула – накатывала тошнота и слабость, тело стало покрываться холодной испариной.

Она боялась показать свою слабость перед этим ничтожеством, потянулась к стакану с водой и судорожно отпила глоток. Отпустило – вода ей всегда помогала собраться с силами.

Олег зорко за ней наблюдал: «Проняло, сейчас согласится. Я всегда умел ее убеждать!».

В это время в дверь кабинета тихонько постучали, а затем дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул председатель райисполкома, Иван Сергеевич.

– Василина, ты, когда освободишься, то загляни ко мне, а лучше всего позвони мне по внутреннему телефону.

Василина кивнула.

– А ты, что здесь делаешь? – строго спросил Иван Сергеевич Олега.

– Здравствуйте, Иван Сергеевич! – подскочил со стула с протянутой рукой Олег, – Я вот Линочку пришел проведать. Может надо чего – с работы проводить или перекусить поднести горяченького, чайку там сладенького или картошечки.

– Понятно, – Иван Сергеевич не замечал протянутую руку Олега, – чаек-то Василина Дмитриевна предпочитает пить без сахара, а картошечкой и вовсе не балуется. А тебя, милейший, давайте-ка, я провожу до двери, и ты больше сюда без нужды не заходи. Все понял?

– Хорошо, Иван Сергеевич, хорошо, как скажите.

Олег быстро вышел из кабинета и аккуратненько прикрыл за собой дверь.

– Как ты, Лина?

– Спасибо, уже получше. Вы что-то спросить у меня хотели?

– Нет. Секретарь моя доложила, что к тебе твой благоверный явился. Вот я и заглянул, чтобы он тут чего не натворил. Зашел, а ты вся бледная и съеженная, я и догадался, что не иначе, как что-то требовать от тебя пришел. Ты уж, Линочка, извини, что грубоват я с ним был. Но ты, же знаешь, что никогда я его не уважал.

– Это вам спасибо, Иван Сергеевич, я бы так быстро его выпроводить из кабинета не смогла.

– Эх, Лина, Лина…

– Все хорошо, Ваня.

– У тебя все хорошо, а у меня – не очень. Паршиво на душе. Ты не перегружай себя излишней работой. Домой пораньше уходи, перерывы почаще делай. У тебя диван в кабинете стоит, дверь прикрой и приляг, отдохни. Коллектив в твоем отделе хороший, воспитанный – справятся. А про Олега забудь, сюда мы его больше не пустим. Я на вахте указание оставил.

– Спасибо, Ваня. И за указание спасибо. А еще я тебя, Иван, попросить хочу об одном одолжении. Ты выслушай меня, только не перебивай. Когда я умру, не хмурься, Иван, рано или поздно со всеми это случается. Так вот, когда я умру, то дай еще одно распоряжение, чтобы на моей могильной плите написали мою девичью фамилию. Ты помнишь – Ромашова я.

– Помню, Лина, я все помню. Только тебе рано думать об этом.

– Не рано, в самый раз. Исполнишь? А Олега я действительно видеть не хочу. Даже вот доверенность оформляю юристу, чтобы вместо меня принял участие во всех тяжбах с этим человеком. Ни видеть его, ни слышать о нем больше ничего не желаю.

Но Олег сам о себе напомнил. Сходил в суд и написал слезное заявление с просьбой об отсрочке суда – и причины веские нашел: жена тяжело больна, но очень благородна – любит его и поэтому хочет избавить от стрессов и забот о ее здоровье, поэтому и разводится. Но он ее тоже любит и должен оставаться с ней и в радости, и в горе. И суд перенесли – на три месяца. Имеет право ответчик попросить отсрочку – может и помирятся!

Окрыленный первым успехом Олег решил и с работы Василину уволить. Останется без работы – быстрее уйдет на тот свет. Расчет был простой – он напишет анонимку в райком партии и намекнет об интимных отношениях Ивана Сергеевича и Василины. Поэтому, дескать, и держит председатель райисполкома на работе больного человека, место которому – в больнице.

Анонимка в райком партии была написана и отправлена. Ивана Сергеевича в райком пригласил сам первый секретарь.

– Здравствуй, Иван. Проходи, присаживайся. Не догадываешься, зачем позвал?

– Давно не видел, вот и позвал.

– Не только. На тебя заявление поступило. Вот читай – забрал у секретаря, чтобы не зарегистрировала.

Иван Сергеевич прочитал и брезгливо откинул от себя исписанный корявыми строчками листок – почерк явно изменили, видимо, анонимщик с определенным стажем кляуз и оговоров.

– Ну, что скажешь? Жду твой комментарий.

– А, что тут скажешь? – вопросом ответил Иван Сергеевич.

– Ты хоть предполагаешь, чьи руки испоганили бумагу?

– Не только предполагаю, но твердо знаю, что анонимку состряпал Олег – бывший муж Василины. Она хочет с ним развестись и выселить из квартиры. Олег сам несколько месяцев назад ушел от нее и живет сейчас в общежитии с какой-то бабенкой. Сидят вдвоем и ожидают, когда Василина умрет, чтобы заселиться в ее квартиру на все готовое.

– А как же ее дочь?

– А, что дочь? По документам она ей не дочь. У девочки есть живая и здоровая мать, которая проживает в деревне. Василина так и не смогла удочерить свое любимое дитя. Ты ведь знаешь наши суровые законы – без согласия мужа органы опеки решение об удочерении принять не могут. А сейчас, чтобы как-то устроить дочку в жизни, Василина получила от нашего банкира направление в банковский техникум на обучение Зоси за счет средств банка. Девочка умная и трудолюбивая, думаю, что справится. Но вот выписаться Зосе из квартиры и прописаться по месту учебы придется. И если судом Олега не выпишут, то квартира останется за ним.

– Да, страшно подумать, как жестока, иногда бывает жизнь с порядочными и умными людьми. А проходимцы при этом процветают – у них все нормально. Скажи, а с Василиной у тебя действительно было продолжение ваших отношений?

– Про наши отношения с Василиной ты все знаешь. Молодые мы все тогда были и только начинали работать – ты инструктором в райкоме, я инспектором в райисполкоме, а Василина агрономом в колхозе. Мы даже с тобой в свое время соперниками были, но Василина выбрала меня. И все бы было хорошо, но тут появилась Зина. Потом только узнал, что девчонка приехала по вызову своей тетки, у которой я квартировал. Намерения у них были простые и четкие. Женить меня – перспективный жених может уплыть на сторону. Начали слухи, сплетни раздувать по Ивановску, что, клялся я в вечной любви, на коленях просил руки и скоро, счастливый, женюсь на Зине. Слухи дошли до Василины. Не стала она меня слушать – побежала, от будущего ребенка избавилась и замуж выскочила за первого, кто ей предложение сделал. Это и был Олег. Василина его в колхозе подобрала, где агрономом работала. Ей тогда, по-моему, было абсолютно неважно за кого замуж выходить. И только потом, когда он стал поближе – она его рассмотрела, но человек Василина твердый и последовательный – после смерти своей жены я, грешен, уговаривал ее уйти от Олега ко мне. Но получил отказ – не простила, я ведь тогда все-таки женился на Зине. А может, боялась людской молвой запачкаться? Внешне у них с Олегом была образцовая семья – ни скандалов, ни драк, все тихо и мирно.

– Жаль, Ваня, жаль. Если бы я тогда правду знал, то Василина сейчас моей женой могла быть. Ну, ладно, чего старые раны бередить.

– К сожалению, все, что ушло вернуть невозможно. Может и я, если бы смог назад в прошлое вернуться, то многих бы ошибок избежал.

– А сейчас, что же Василина действительно так плохо себя чувствует, что не справляется с работой?

– На самом деле она больна, но по внешнему виду не скажешь, что ей очень плохо. Она всегда умела контролировать свои эмоции. И с болью справляется. А если быть совершенно объективным, то, конечно, Василина сейчас немного отстает от нашего рабочего ритма. Задор, что ли угас? Как-то меньше делами стала заниматься. Я думаю, что главная у нее забота сейчас – это дочь устроить, чтобы смогла дальше самостоятельно жить. Вот Василина рогом и уперлась в жизнь, не сдается болезни, а здесь ей и родные стены помогают. Она в райисполкоме уже почти двадцать лет работает, а последние десять – начальником сельхозуправления и моим замом. И всегда Василина Дмитриевна была безупречна в работе, ни замечаний от области, ни нареканий от всякого рода проверок. А теперь скажи: могу я ее в принудительном порядке отправить на больничный или пенсию по инвалидности?

– Нет! Конечно, нет! Ты правильное решение принял, Иван. Но давай вернемся к нашему анонимщику. С этим человеком тоже надо как-то разобраться – ему дай волю, то он всех дерьмом зальет. Где он работает?

– В нашей районной строительной организации – снабженцем. Там тоже от него страдают, но терпят из-за Василины. Он начальника управления уже несколько лет терроризирует анонимками. Пишет в трест о хищениях, недостачах, браке в работе. Трест вынужден направлять проверки, но ничего не подтверждается.

– Ну и славненько. Пусть больше не терпят. Мужичонка попробует самостоятельно устроиться на работу в нашем родном городке, где слухами не только земля, но воздух полнится, так и анонимки прекратит писать – сил не хватит. До пенсии будет улицы подметать и чистить мусорные баки – глядишь, и в доносах надобность отпадет. Разве, что на дворовых котов и собак, они сдачи не дадут.

И секретарь райкома взял в руки телефонную трубку.

Через два дня Олег был уволен с работы по сокращению штатов. Призадумался – а что бы это значило? И притих, хотя хотел еще одну анонимку на Ивана Сергеевича отправить в обком партии, чтобы уж наверняка. Но видимо понял, что получил оплеуху, а заступиться за него некому. Но на суд решил он, что все равно не пойдет, вот здесь его никто не заставит. Потянет время, пока умрет Василина. И помогут ему медики – радикулит, то, да се, больничный ему не нужен, а справочку о том, что болен, он всегда выбьет. Такие циничные планы строил Олег. И все из-за квартиры. Правда, не совсем обычной, а ухоженной, добротной и расположенной в самом центре городка.

А маленький городок Ивановск начала прихорашивать ранняя в этом году весна – розовыми почками на яблоньках и грушах и зеленоватой дымкой вокруг уличных посадок.

В былые времена в это время у Василины на подоконниках, на зависть соседям, уже на помидорной рассаде зелененькие виноградины помидорок висели. Василина, агроном по образованию, была привязана к своему маленькому загородному клочку земли, заботливо обихаживала его и каждый год засаживала все новыми сортами овощей и цветов. И где только находила столько невиданных в здешних краях огородных новинок? То у нее, упакованный в сетку, арбуз огромный вырастет, то дынька ароматная в аккуратном ящичке – тепличке. Соседи по даче частенько заходили к ней – на цветы полюбоваться или отросточек попросить. А-то и совет огородный нужен – то мучнистая роса на цвет любимый напала, то фитофтора овощи одолела. А кто еще поможет, как не Василина?

А этой весной на подоконниках Василининой квартиры рассады не было – Зося все ящики для рассады еще зимой с балкона убрала. К мусорному ящику отнесла, с глаз Василининых подальше. Василина и не возражала. Пропал интерес к дачному участку, даже цветы свои любимые она вспоминала все реже и реже. Звонил сосед по даче, предлагал свою помощь – землю под грядки перекопать или удобрения разбросать.

– Нет, спасибо, не нужно, – ответила Василина, – не буду я в этом году ничего сажать.

– Так травой все зарастет, многолетники погибнут.

– А вы выкопайте и пересадите на свой участок все, что вам приглянулось.

– Что вы, Василина Дмитриевна, рука не поднимется. Мы же видели, сколько сил и труда вы в каждый кустик вложили. Мы в своем дачном коллективе обсудим, и с вашего разрешения, засеем ваш участок травкой какой-нибудь декоративной. А цветы будем присматривать – прополоть, подрезать или подкормить – все будет сделано. И домик ваш присмотрим. Вы приезжайте летом к себе на дачу, просто отдохнуть от городского шума. Хотите, я буду за вами заезжать каждую субботу, когда окончательно установится летняя погода, чтобы печку не топить.

– Да, наверное, я когда-нибудь соберусь навестить свои цветы. Я вам тогда позвоню. А пока спасибо за заботу.

Василина поспешила закончить разговор – она не любила, когда ее откровенно жалели. И поездок на дачу больше никогда не будет – подальше от сочувствующих, а иногда и просто любопытных, глаз.

Зося сдала школьные экзамены за восьмой класс без единой четверки. Банковское направление на учебу в техникум лежало на тумбочке возле ее кровати. Оставалось только получить документы из школы и можно ехать в загадочный город Горевск, с заявлением в приемную комиссию техникума.

Получить документы в школьной канцелярии сразу не получилось – ее пригласили на разговор к директору школы.

– Здравствуй, Ромашова. Поздравляю тебя с отличным окончанием восьми классов. Ты, признаться, гордость нашей школы. Мне очень жаль, что ты уходишь от нас. Я считал, что ты будущая медалистка, кстати, пока единственная в районе. Может, передумаешь и останешься в школе до окончания десяти классов?

– Нет, все уже решено. Я уезжаю в Горевск, и буду пробовать поступить в банковский техникум.

– Поступишь, я не сомневаюсь. Но, если, что-то тебя не устроит, то возвращайся – примем с удовольствием назад, в школу.

Зося получила документы, и на следующий день, попутчиком, на райисполкомовской машине уехала в областной центр. Водитель город знал, и техникум отыскал без особых усилий:

– Ну, Зоя, ты иди и пиши свое заявление. А я освобожусь только к концу дня и заеду за тобой. Ожидай меня вон на той скамеечке, что возле техникума. Да смотри, никуда не уходи, а-то потеряешься. А я отчитывайся потом перед Василиной Дмитриевной.

Зоя вошла в старое, прекрасно отремонтированное, двухэтажное здание техникума по подготовке банковских специалистов, нашла дверь с броской табличкой «Приемная комиссия». В кабинете стояли несколько столов. За одним из них сидела женщина в строгом летнем костюме и с такой же строгой прической. За вторым столиком что-то писала девчонка Зосиного возраста, одетая в легкомысленный летний сарафанчик.

– Здравствуйте, я хочу сдать документы для поступления в техникум.

– Давай, посмотрим, что ты принесла, – протянула к ней руку строгая женщина, – на вот тебе бланочек, садись, заполни. А я пока посмотрю твои документы.

Зося взяла бланк и прошла к свободному столику.

– Ну, как ты восьмилетку окончила? – женщина заглянула в Зосино свидетельство об окончании восьми классов, – О, какая птичка к нам залетела! Ты ведь отличница! А кто тебя направляет на учебу? Проминвестбанк – солидно, солидно. Ты откуда приехала?

– Из Ивановска, – ответила Зося.

– А здесь у тебя есть какие-нибудь родственники?

– Нет.

– Тогда я сейчас выпишу тебе направление в наше студенческое общежитие на время сдачи вступительных экзаменов. Приезжай на денек пораньше, чтобы без суеты заселиться в общежитие. Здание общежития здесь рядышком с техникумом, через два дома. Найдешь?

– Конечно, найду.

– Ты подожди меня, – вступила в разговор девчонка, – я сейчас быстренько закончу писать заявление и тебе все покажу. Я живу в Горевске и город хорошо знаю.

В коридоре девочка протянула Зосе руку и сказала:

– Привет. Давай знакомиться. Меня зовут Люда. Для мамы и сестры я Мила. Но, ты учти, мне противна эта кликуха. Так коров в деревне зовут. Так, что ты лучше называй меня Людмилой – так красивее. Фамилия у меня тоже колхозная – Пименова. Я собираюсь фамилию поменять, когда буду получать паспорт. Мне мамина девичья фамилия больше подходит – Великанова. Заодно и имя поменяю на Елизавету. Буду Елизавета Великанова. Почти Елизавета Великая. Ты как считаешь, могут фамилия и имя внешность человека изменить? А-то посмотри на меня – ни рожи, ни кожи! Веснушчатый шарик с рыжими волосами. Какое имя, такой и вид.

– Ну, что ты говоришь? Ты очень даже симпатичная. И рыжие волосы подходят к твоим зеленым глазам. А похудеть ты, если захочешь, то всегда сможешь. Можно диету разумную подобрать. И фамилия у тебя красивая – корнями откуда-то из Сибири. Так мне кажется.

– Спасибо, успокоила. А тебя как зовут.

– Ах, да. Я Зоя Ромашова. Мамочка зовет меня Зосей.

– У тебя, правда честные пятерки в школе или тебе по блату их ставили? Может твои предки большие начальники?

– Нет, все честно. Моя мама заместитель председателя райисполкома, но она и в школе-то никогда не бывает. Я привыкла все делать сама, без ее помощи. У нее работа очень тяжелая, особенно когда посевная или уборочная в колхозах и совхозах, тогда она сутками домой не появляется. А представляешь, еще бы мои двойки и тройки? Я свою мамочку люблю и уважаю, а потому стараюсь ее не огорчать. Она справедливый и красивый человек.

– Вот бы мне такую маму! Может, и я бы хорошо училась, чтобы, как ты говоришь, маму не огорчать. Так, нет же, моя мама работает на химкомбинате в цеху, а папа недавно умер. Разбился осенью на своей обожаемой машине. Но он тоже был рабочим – работал водителем в таксопарке.

– Ты прости меня, Людмила, но я с тобой не согласна. Совершенно неважно кем, и как работают твои родители – главное они у тебя есть и любят тебя.

– Да, были оба, а теперь одна мама. Она-то и выпросила мне направление в банковский техникум. Химкомбинат помог. Кстати, у меня тоже направление от Проминвестбанка. Там химкомбинат обслуживается, вот маме и помогла бухгалтер комбинатовский. Они с мамой когда-то вместе в школе учились. Только не знаю, смогу ли я сдать экзамены. В моем свидетельстве об окончании восьми классов одни тройки выстроились в ряд. У меня даже документы эта крыса из приемной комиссии не хотела принимать – звонила в банк и выясняла, почему они мне направление выдали. Потом она на тебя отвлеклась и про меня забыла. Документы просто механически взяла, видимо, очень хотела, чтобы я тебя проводила и город показала. Вот как ты ей понравилась!

– Да ты просто сочинитель! А учиться надо не для кого-то, а для себя. Все элементарно просто – банк, видимо предъявляет высокие требования к своим специалистам. Видишь, даже кассиров обучают в специализированном техникуме, а что уж говорить про другие профессии. А тут вдруг взяли, да и выдали направление на обучение в своем техникуме троечнице! Как ты считаешь, есть вопросы у приемной комиссии?

– Наверное, ты права. Сейчас уж поздно что-то изменить. Наверное, не поступлю.

– Подожди паниковать. Ты давай до экзаменов позанимайся по вопросникам самостоятельно. А сдавать экзамены мы с тобой в приемную комиссию будем заходить вместе, постараюсь тебе помочь.

Людмила показала Зосе здание студенческого общежития.

Они даже хотели пройтись по коридорам притихшего на время каникул общежития, но в фойе их окликнула вахтер и сказала, что входить в здание нельзя, там сейчас работают строители – идет текущий ремонт комнат. Скоро начинаются вступительные экзамены, и общежитие заселят абитуриенты. Девчонкам общежитие понравилось – чистая светлая прохлада, заставленного цветами фойе перетекала в длинные коридоры с множеством дверей.

Потом они сходили на набережную широкой Горевской реки, побывали возле железнодорожного и автовокзала, посидели с мороженым на лавочке в скверике.

Только, когда на город начали опускаться сумерки, Зося спохватилась:

– Ну, все, меня водитель райисполкомовский, наверное, заждался! Побежали бегом к техникуму – будет мне сейчас взбучка.

Водитель давно метался между скамеечкой и зданием техникума, даже во двор заглянул – но Зоси нигде не было. «Вот взял на свою голову попутчицу, – со злостью думал водитель, – придется ехать в милицию, писать заявление, что девчонка пропала. А что же будет с Василиной Дмитриевной, когда я в Ивановск приеду один?» И тут в конце улочки он увидел Зоську с какой-то девчонкой. Они подбежали к машине и скороговоркой, перебивая друг друга, стали

просить извинить их опоздание. Из их причитаний он понял только одно – Зося город хотела посмотреть, вот они о времени и забыли. Успокоенный, тем, что девочка нашлась, ему не надо ехать в милицию и оправдываться перед Василиной Дмитриевной, он пробурчал:

– Да, чего уж тут, ладно. Садись в машину – нам еще полсотки километров пилить. Мамка тебя, наверное, уже заждалась.

Зося села в машину, помахала на прощание Миле рукой.

Девочки понравились друг другу и договорились встретиться в Горевске перед началом вступительных экзаменов. Люда уныло поплелась домой – ее тоже ждала взбучка. Мама давно пришла с работы и сестра тоже дома. Они просили Люду, когда она выходила из дома:

– Мила, сходишь в техникум и бегом домой. Мы за тебя волноваться будем – примут ли в техникуме твои документы? Может все хлопоты были напрасными. Подруга предупредила, что банк тщательно отбирает для себя специалистов. А у тебя одни тройки. Милочка, договорились?

– Да, я сдам документы и сразу приду домой. Ну, а если их не примут, так, что за беда? Пойду учиться в ПТУ, а потом буду работать на комбинате, вместе с тобой и сестрой.

Люда тихонечко открыла дверь и вошла в квартиру. В прихожей тут же появилась мама, а из дверного проема высунула голову сестра: – Ну, что? – в один голос спросили они.

– Все нормально. Документы приняли, но это еще не значит, что я поступлю в этот долбаный техникум. Правда, я там сейчас познакомилась с классной девчонкой. Она отличница и обещала мне помочь на экзаменах – может подсказками, а может шпаргалкой.

– А ты хоть узнала, как ее зовут?

– Да. Имя у нее красивое – Зося, а фамилия – Ромашова.

– Я не ослышалась, – переспросила мама, – Зося Ромашова? Тесен мир… А возможно это вовсе не она.

– Кто не она? О чем ты, мама?

– Да, так, Милочка, ничего. Поживем – увидим.

Глава 4

Каждый новый день напоминал Василине, что может стать последним днем ее жизни.

Все чаще жуткая, невыносимая боль тисками охватывала все ее тело и бросала во мрак забытья. Но Василина, бледная и дрожащая, упорно возвращалась в жизнь. На ее ночном столике появились коробки таблеток и ампул с уколами, которые она научилась делать сама.

В райисполком она больше не ходила, большую часть времени лежала в кровати или сидела в маленьком креслице возле окна. Между приступами боли иногда звала в свою комнату Зосю и просила ее посидеть с ней. Василина давно собиралась рассказать Зосе о том, что она ей не родная мама, только вот не могла подобрать нужный момент. Сейчас этот момент, кажется, наступил. Может, сможет Зося простить Анюту и снова обретет любящую маму?

– Зосенька, мне нужно кое-что рассказать тебе о нашей с тобой жизни. Нет, о небольшом периоде твоей жизни, который ты, скорее всего, не помнишь.

Чем тщательнее Василина подбирала слова, тем больше в них запутывалась.

– О чем это я не помню? Ну, а если не помню, то, возможно, не стоит и вспоминать?

– Давай так – я буду рассказывать, а ты слушай и не перебивай меня. Хорошо?

– Как скажешь. Только, пожалуйста, не волнуйся.

– Как не волноваться, когда разговор очень серьезный, и я не знаю, как ты все это воспримешь.

– Мамочка, я все правильно пойму. Я же твоя дочь и очень похожа на тебя.

– Да, ты внешне немного похожа на меня – это правда. Мы с тобой очень близкие родственники по крови – я твоя двоюродная бабушка. Но твое сходство с моей племянницей Анютой просто поразительное. Анюта – твоя родная мама. В твоем возрасте она была такой же красавицей, как ты сейчас. Почему была? Нет, с ней, наверняка, ничего не случилось, просто, я ее не видела с тех пор, как забрала тебя из больницы. Возможно, сейчас она сильно изменилась – тяжелая работа в колхозе и безрадостная жизнь могли наложить отпечаток и на внешность.

– Мама, давай мы не будем это обсуждать – пусть она живет, как хочет. Я, кстати, давно знаю, что ты мне бабушка. Дядя Олег, когда тебя дома не было, звал меня не иначе, как «приемыш». Он-то мне и рассказал, что моя родная мама живет в деревне и работает дояркой на колхозной ферме. И очень настоятельно рекомендовал мне «убираться к мамашке и бабке-алкоголичке».

– Зосенька, а почему ты мне никогда об этом не рассказывала?

– Во-первых, не хотела дополнительно загружать тебя проблемами, а во-вторых, много ему чести, чтобы обращать на его болтовню внимание.

– Значит, ты давно знаешь, что я тебе не родная?

– Мама, что ты говоришь? Почему – не родная? Ты мне самая родная. И это неправда, что я только внешне немного похожа на тебя – я очень похожа на тебя. Я тобой всегда гордилась и стремилась быть на тебя похожей. Повторяла твою походку, манеру общения с людьми. Училась, как и ты владеть собой, не быть рабом собственных эмоций, улыбаться, когда немыслимо тяжело. Все это от тебя. Ты не замечаешь, что у меня тот же стиль одежды, пусть пока несовершенный, но в твоих любимых тонах? А ту, чужую женщину, которая меня родила и бросила, я не знаю. Возможно, она красавица и умница. Возможно! Но она для меня чужой, незнакомый и неприятный человек. Я не имею права ее осуждать, но и оправдывать не собираюсь. У нее своя жизнь, у меня – наша с тобой.

– Остановись, дочка! Не суди ее так категорично. Она была чуть старше тебя, когда забеременела. Живут они с твоей бабушкой в деревне. Юлия Дмитриевна – твоя бабушка, а моя сестра, в свое время в колхозе была передовой дояркой, ее приняли в партию, неоднократно

выбирали делегатом на различные конференции, а один раз даже на съезд партии. Слава о ее трудовых достижениях гремела на всю республику. И вдруг ее несовершеннолетняя дочь нагуляла ребенка, да еще, и рожать собралась! Представляешь, какой скандал мог разгореться, какие разбирательства ее ожидали? Анюта так и не сказали ни матери, ни мне, кто твой отец. Кто-то обманул девчонку и бросил. В то лето она работала в лагере для заключенных, вот там-то ее, скорее всего и соблазнили. Может охранник, может заключенный. Мне рассказывали, что заключенные в нашем лагере в те времена могли себе многое позволить – были бы деньги. Впрочем, я никогда не ставила перед собой цель – узнать кто твой отец. Пустая трата времени – если бы захотел воспитывать своего ребенка, то и сам мог бы нас найти, в одном районе живем. Вот и твоя мама ни разу к нам не заглянула – может стыдно, а может – и это наиболее вероятный вариант, – укатала ее жизнь, придавила к земле тяжелым катком.

– Мама, да бог с ней, с этой Анютой и несостоявшимся отцом!

– Подожди, я же просила не перебивать меня. Почему я сейчас рассказываю тебе про Анюту? Есть у меня надежда, что сейчас Анюта не оставит тебя. Тебе еще расти, и расти, чтобы взрослой стать. И хорошо бы рядом, пусть не маму, но хотя бы подругу надежную иметь. Доченька, Анюта ведь мне тоже не чужая! Я, конечно, давно могла ее вытащить из деревни, но были две причины. Одна вполне житейская – у нее в деревне мать стала алкоголичкой и совсем беспомощным человеком. Кто-то должен Юлю присмотреть, она мне родная сестра. Ну, а вторая причина – это ты. Боялась я, что заберет тебя Анюта. А ты стала для меня смыслом жизни – моей семьей, надеждой и опорой. Вот я и чувствую себя виноватой перед Анютой – могла что-то изменить в ее жизни, и не изменила. Ты говоришь, что всегда стремилась быть похожей на меня? Меня это очень радует – будешь моим повторением в этой жизни. Только убедительно тебя прошу – не допускай моих явных ошибок.

– Что ты имеешь в виду, мама? Какие ошибки?

– Видишь ли, дочка, доброта, это очень хорошее качество, но моя доброта иногда перерастала в глупость. Я говорю про наши отношения с Олегом. Давно нужно было развести наши жизненные дороги, но мне его всегда было жалко – такой наивный, беспомощный, он погибнет без моей помощи и опеки. И в итоге к чему моя доброта привела? Ты остаешься без жилья и без материальной поддержки – все отобрал этот негодяй. Я даже не смогла выселить Олега из квартиры, суд все переносят. И конца и края этому не видать – то он мириться хочет, то он сам болеет, то мать больную навещать уехал. А если бы квартира была свободной, то переехали бы сюда, к тебе, Анюта с Юлей. И ты бы снова жила в семье. Видимо, не суждено! Но тебя, ребенок, я попросить хочу – встанешь на свои ноги, помоги Анюте. Исправь мои ошибки, мне это очень важно. Обещаешь?

– Да, конечно. Я ее найду и обязательно помогу. Но жить с ней вместе – ты прости меня, этого никогда не будет! У меня есть мама – это ты, и тебя мне никто не заменит. Тем более Анюта. Что касается подруги, то, возможно, она у меня будет. Я в Горевске познакомилась с девчонкой. Правда, она комплексует по поводу своей внешности, и учебу запустила. Но девчонка отличная, мне очень нравится. Я пообещала ей помочь сдать экзамены в техникум. Позаниматься с ней у меня не получится, а вот шпаргалку или подсказку – вполне реально. Ты как считаешь – сильно аморальный поступок с моей стороны?

– Правильное решение, помогай! Лишь бы человек был хороший, а учеба – это дело наживное. Сегодня не знает, а завтра, глядишь, отличница. Когда ты уезжаешь в Горевск, сдавать экзамены?

– Через неделю. Когда меня не будет, к тебе временно переселится наша соседка, Татьяна Ивановна. Я ее попросила. Хотела ей заплатить, но она денег не взяла.

– Так ко мне же днем приходит медсестра.

– Вот и хорошо – днем медсестра, а ночью – соседка. Так мне будет спокойнее.

Зося сдала вступительные экзамены и привезла из Горевска извещение о том, что она зачислена на первый курс техникума с предоставлением общежития. Люда – прицепом за Зосей, тоже поступила. Как Люда сдала экзамены? Это отдельная история, о которой Зося хотела бы поскорее забыть. Зося старалась во всем быть правдивой, а здесь – катастрофа, сплошной обман преподавателей. Но, глядя на счастливую и гордую за свои успехи Люду, Зося постепенно успокоилась. Она не просто обманывала, а обманывала во благо другого человека. Люда ей ведь дала клятву, что если она поступит, то обязательно подтянет учебу.

Людмилина мама, Тамара Сергеевна, без устали рассказывала друзьям и знакомым, что Милочка, вопреки мрачным прогнозам ее учителей, прекрасно сдала вступительные экзамены в престижный техникум и зачислена на первый курс. Но сама Тамара Сергеевна знала, что у Милы появилась новая подруга, без помощи которой дочкино поступление на учебу вряд ли бы состоялось. Тамара Сергеевна очень хотела увидеть девочку и сказать ей спасибо, но Зося ни разу в их семье не появилась. У нее были свои заботы – как там мама? А Тамара Сергеевна уже вынашивала планы, как поселить Зосю на весь период учебы в техникуме в их квартиру. То-то помощь Милочке будет!

Квартира большая, можно для Зоси и комнату отдельную выделить, зачем ютиться в общежитии? Уж, очень положительное влияние эта девочка оказывала на ее несобранную, рассеянную Милочку. «Перед началом занятий я обязательно с Зосей встречусь, и мы с ней этот вариант обсудим, – решила женщина, – а заодно я выясню – это та Зося, от которой малолетняя мама отказалась в Горевском роддоме или случайное совпадение имени и фамилии? Неужели судьба распорядилась так, что девочка начала отдавать долги за свою безответственную мать? Без помощи этой малышки, моя Милочка никогда бы не осилила такие высоты, как вступительные экзамены в банковский техникум. Вот и, получается – кинь вперед – сзади подберешь»

Василина долго и внимательно рассматривала канцелярскую бумажку, в которой черным по белому было написано, что Зоя Николаевна Ромашова принята в техникум и ей выделено место в студенческом общежитии. Какое счастье – она дождалась, ее дочь, пусть временно, но в жизни устроена. А там подрастет, и все у нее будет хорошо.

– Зося, а сейчас мне просто необходимо рассказать тебе одну интересную историю. Готова слушать?

Василина улыбалась, глаза блестели. Вот, что может сделать с человеком простая маленькая бумажка.

– Конечно, с радостью. Тебя слушать – одно удовольствие. Снова не перебивать?

Зося свернулась калачиком в маленьком креслице, и приготовилась слушать.

– Это не простая история, здесь присутствуют элементы какой-то мистики, я бы даже сказала знаки судьбы. В дни своей молодости я стала участницей событий, которые как бы были срежиссированы опытным сценаристом. Тогда я не поняла этого. И только сейчас, с высоты своих лет и богатого жизненного опыта пришла к выводу, что все было предопределено заранее. Видимо, не все так просто в этой жизни, как нам кажется. Существуют какие-то силы, руководящие нашими действиями и поступками. Возможно, у каждого из нас есть четко определенный жизненный коридор, по которому мы должны идти от рождения до смерти. Твоя улыбка означает, что мать немножечко свихнулась? Напрасно. Я всегда была атеисткой. Так нас перевоспитало государство.

– Почему перевоспитало?

– Да потому, что мои родители верили в существование ада и рая, строго соблюдали все посты и церковные каноны. Мы без молитвы за стол никогда не садились. Действующая церковь была только в соседнем селе. Далеко, особенно для детских ног, но накануне великих церковных праздников мы всей семьей отправлялись пешком в соседнее село и смиренно молились всю ночь. А потом школа, академия, пионерская и комсомольская организации, ком-

мунистическая партия – и думать не смей, что кроме человека на земле и в космосе существуют какие-то параллельные миры и высшие существа. Я не просто отвлеклась и ушла в сторону, а хочу подчеркнуть, что эта история касается не только меня, но каким-то загадочным образом и тебя, хотя ты тогда еще и не родилась.

– Мистика?

– Есть и мистика. Так вот, как я уже говорила, это случилось на пороге моей самостоятельной жизни. Я окончила сельскохозяйственную академию и получила распределение на должность агронома в небольшой колхоз. Там же я и познакомилась с Иваном. Правильно, сейчас он Иван Сергеевич. Девушка я была красивая, как и все женщины – Ромашовы, и Иван начал все чаще с разными делами и поручениями наведываться в наш колхоз. А работал он тогда инспектором в райисполкоме. Короче говоря, завязывались романтические отношения. В тот день он приехал в колхоз с раннего утра и застал меня в правлении, я только собиралась уехать на поля. Иван сказал, что едет в соседний колхоз с заданием и ему нужна помощь грамотного агронома. С моим председателем колхоза он договорился еще вчера, а потому прямо сейчас забирает меня в свою райисполкомовскую машину. Ты же понимаешь, какой из меня тогда был агроном? Молодой специалист! Весомость мне придавал разве, что диплом о высшем образовании – не у многих он тогда был. Большинство сельских специалистов были практиками или, в лучшем случае, со средним специальным образованием. Сама я о себе, как о специалисте была невысокого мнения, но с районным начальством не поспоришь. Скинула я резиновые ботики, в которых собиралась походить по колхозным полям и села в машину к Ивану.

Председатель соседнего колхоза, Николай Степанович, объехал с нами все поля, все показал и рассказал о планах колхоза и перспективах на урожай. Иван прекрасно сам разбирался в колхозной деятельности, но не уставал осведомляться у меня: «А что по этому поводу думают ученые агрономы?». То ли хотел оправдаться перед солидным председателем колхоза за присутствие молодой девушки в их обществе, то ли, в самом деле, к моему мнению относился уважительно. Я над этим не задумывалась, у меня было прекрасное настроение – я откровенно наслаждалась обществом умных людей.

В самую дальнюю бригаду колхоза мы приехали, когда солнце уже повисло над самой кромкой леса. Именно в той стороне и было наше последнее поле. Это поле отвоевали у леса колхозные трактористы. Деревья были спилены еще в войну русскими военнопленными по приказу немецких завоевателей – через лес проходила важная для них дорога, а немцы панически боялись партизан. Пни давно сгнили, и только сейчас рачительный хозяин колхоза приказал очистить поле. Это поле было его гордостью, отдохнувшая земля в прошлом году порадовала небывалым урожаем зерновых. Он долго и увлеченно рассказывал мне и Ивану и про партизан, действовавших на территории их земель, и про эту дорогу, которой так и не смогли воспользоваться немцы – все чего-то боялись. А потом показал рукой на край леса и сказал:

– Смотрите внимательно в глубину леса, там просматриваются очертания дома. Видите? Это старая охотничья заимка. Домик был построен в глубине леса, и только после вырубки леса оказался на опушке.

– Да, есть там дом, – подтвердил Иван, – а, что это за дом?

– По слухам, до революции дом принадлежал какому-то князю – страстным охотником тот был, а зверья здесь полно, – продолжил Николай Степанович, – в охотничий сезон сюда любители побегать по лесу за зверем и сейчас со всей республики приезжают. Многие хотели бы пожить на этой заимке, но домик давно занят. Живут там две старушки – одна из них, как утверждают мои сельчане, вроде тоже княжеских кровей. А вторая – то ли ее подруга, то ли ей прислуживает. Во всяком случае, отношения друг к другу у них очень уважительные. Домик нашими предками сработан добротно – ничего не просело и не прогнило. Даже крыша нигде не протекает. Старушки колхоз своими просьбами не обременяют – огорода у них нет,

скот они тоже не содержат. Но нужды, как мне кажется, ни в чем не испытывают. Люди сами им несут, а кто и везет продукты, да и деньги мелкие оставляют. Еще и уговаривают, чтобы приняли их подарки. Дело в том, что одна из них, аристократка – ведунья. Лечит она людей травами, водой наговоренной и молитвами. И даже диагноз врачей никогда не спрашивает – внимательно посмотрит на человека и про все его болезни расскажет. Есть и такие болезни, которые она вылечить не может, так она сразу об этом говорит – мол, помочь не смогу, вы уж, не обессудьте. Но мы давно приметили, что тут все зависит не от тяжести и сложности заболевания, а от сущности обратившегося к ней человека.

– Как это? – заинтересовалась и я.

– Все очень просто, – сказал председатель, – отказывает она почему-то всегда людям злобным и жестоким, способным на совершение самых тяжких преступлений. И уж если она отказала, то уговорить ее изменить свое решение практически невозможно. Ни за большие деньги, ни за другие блага. Старушка твердая, как кремень. Видит тебя насквозь, как рентгеновский аппарат. Перед ней даже я иногда робею. Но пройти мимо заимки и не поздороваться с ними – такого я никогда себе не позволял. Коль уж мы здесь и спешить нам больше некуда – свои дела мы завершили, то давайте заглянем на заимку. Я вас познакомлю с бабушками. Подарок для бабушек у меня имеется – жена положила баночку меда и велела передать. Да и мне самому хочется с ними увидеться – от такого общения потом долго на душе светло и спокойно, как будто в санатории побывал.

Я не была настроена на визит к незнакомым людям, да еще и к ведунье, но Иван взял меня за руку и решительно направился к лесу. Мы подошли к дому.

Во дворе, на завалинке в каком-то напряженном молчании сидели несколько человек. Видимо, ожидали, когда их примут. Мы тоже присели на скамеечку, но ожидать нам совсем не пришлось. Во двор вышла маленькая, сгорбленная старушка, в длинной черной юбке и свободной блузе, тоже черного цвета. Гладко зачесанные седые волосы спрятаны под белоснежный платочек.

– Николай Степанович, – прошелестел ее слабый голосок, обращенный к председателю колхоза, – чего ж в дом не заходите? И гостей своих приглашайте – нашими гостями будете. Хозяйка с утра беспокоится – вас ожидает!

Николай Степанович многозначительно повел глазами в нашу сторону – мол, видите, визит мы не планировали, а здесь уже знали, что мы придем! Вслед за старушкой мы прошли в сенцы.

– Вашей целебной водички бы попить, – обратился Николай Степанович к старушке.

– Так вот же она, – кивнула старушка на маленький бочонок из дубовых дощечек, на котором висел аккуратненький ковшик, – пейте, родимые.

– Вашу воду не пить, а смаковать нужно, она вкус какой-то необычный имеет. Попробуйте, – Николай Степанович передал мне ковшик с водой.

Я взяла ковшик – прозрачностью и голубоватым цветом вода напоминала крещенскую, но вкус воды был неповторимый, его невозможно описать. И что странно, несколько мелких глотков и все, никакой жажды.

Внутри дом ничем не напоминал наше обычное сельское жилище – какие-то маленькие столики и диванчики на точеных ножках, стулья с высокими спинками, тяжелая драпировка штор, зеркало в замысловатой серебристой раме. Все было необычно для глаза сельского жителя. В доме чистота и прохлада.

– Проходите, проходите, – приглашала старушка, – вас там, в задней комнате ожидают.

В задней комнате за столиком сидела еще одна старушка, в темном, старинного фасона платье.

– Зинушка, если тебе нетрудно, поставь самоварчик. Чайку с гостями попьем и поговорим. Гости долгожданные, с дороги, отдохнуть им надо.

– Совсем нетрудно, даже, наоборот, с удовольствием чайку сейчас соберу.

Николай Степанович кивнул Ивану, и они вышли вслед за Зинушкой – а вдруг помощь мужская потребуется?

– Подойди ко мне поближе, детка. Рассмотреть тебя хочу.

Я подошла к старушке и уселась напротив.

Она прикоснулась к моей руке своей холодной ладошкой, долго не отпускала мою, начавшую вздрагивать руку, потом встала, подошла к окну и из глубины комнаты молча, смотрела на меня, как будто перед нею была натура, которую она хотела запомнить, а потом по памяти нарисовать. Наконец осмотр был закончен, сделаны какие-то, только ей известные выводы, и она снова уселась на стул:

– Ну, что ты дрожишь, как осиновый листок при дороге? Все хорошо, и я тебе только добра желаю.

Сморщенная, старая рука потянулась ко мне и погладила мои волосы. Я начала успокаиваться.

– Я знала, что ты придешь сегодня. И вот подарок приготовила. Но он не для тебя, а для твоей дочери. Старушка протянула мне сверток в холщовом мешочке, аккуратненько перевязанный бечевкой.

– Бабушка, – запротестовала я, – я еще не замужем и у меня нет дочки. Вы, может, что-то перепутали?

– Сейчас действительно нет, но потом обязательно будет. Много лет пройдет, и бог пошлет тебе дочку. А мой подарок ты пока положи в укромное местечко, пусть ожидает своего часа. Отдашь, когда твоя дочка подрастет и соберется уезжать. Вот тогда и отдай, пусть с собой заберет.

– Бабушка, – не сдавалась я, – а может у меня не дочка, а сын будет? Как мне тогда поступить?

– Я знаю, что говорю – у тебя будет единственная дочь. Бери, бери – передашь. Говорю же, что это не для тебя, а для твоей девочки. Для дочери твоей будущей.

В комнату заглянула Зинушка:

– Выходите к столу, все готово.

Я забрала сверточек и поцеловала старушку.

По дороге домой я рассказала Николаю Степановичу и Ивану о странном подарке, который получила от ведуньи для моей дочери, которая, по словам старушки, у меня обязательно будет. Николай Степанович помолчал, а потом сказал:

– Она просто так ничего не делает, я знаю ее много лет. Какой-то смысл в этом есть. А ты, дочка, спрячь ее подарок пока подальше, время придет – разберешься, что к чему.

Оставшуюся часть пути мы молчали, каждый думал о своем. Когда Иван собрался уезжать в город, я попросила его:

– Иван, мне хранить этот подарок негде, я живу на квартире, и даже угла собственного не имею. Возьми, пожалуйста, этот сверток и положи в сейф. У меня появится дочка или хотя бы своя квартира – вот тогда я заберу.

Несколько лет сверток лежал у Ивана в сейфе. А потом меня перевели на работу в райисполком, и у меня появился свой персональный сейф. Иван принес пакетик в мой кабинет:

– Не забыла? Дочки у тебя пока нет, а вот сейф, имеется. На, спрячь подальше, пусть у тебя лежит.

Сверточек устроился в моем сейфе на долгие годы. Лежал он в дальнем углу и я, постепенно, с годами о нем забыла. А два дня назад мне позвонила помощница Ивана Сергеевича:

– Василина Дмитриевна! В райисполкоме намечается какая-то странная ревизия старых печатей и клише с факсимиле. Вы не могли бы мне подсказать, где искать Ваш личный штамп? Мы просмотрели все полки в шкафах, но штамп так и не нашли.

Действительно странно – за все годы работы в райисполкоме я не слышала о таких ревизиях.

Я ей ответила, что давно штампом не пользовалась и, конечно же, не помню, где он находится. Но сейчас дам задание своей голове зрительно восстановить то место, где может быть штамп и, скорее всего, вспомню. А потом ей позвоню.

К вечеру я, кажется, вздремнула, а может, просто закрыла глаза. И, вдруг, щелчок, как вспышка фотоаппарата – открылась верхняя дверка моего сейфа и там, четко видно – сверток в холщовом лоскутке и сверху, на нем, уютненько расположился штамп.

Я сразу вспомнила и ведунью, и ее странную просьбу. Видимо, пришло время исполнить ее завещание. Утром я позвонила в райисполком и сказала, где можно найти штамп и, заодно, попросила, чтобы мне принесли домой мой личный сверток, который лежит там же.

Мне его сразу и принесли. Вот он, на тумбочке, перед тобой. Возьми и разверни. Я не знаю, что там. За все эти годы у меня даже мысль не мелькнула, что я имею право посмотреть на содержимое свертка. Видишь, я даже забыла о нем, но он сам о себе напомнил.

– Что-то страшновато. Действительно, сказочная история. А может это очередной твой сюрприз? Ты у нас мастерица на такие приятные розыгрыши.

– Это не розыгрыш. Разворачивай, ничего страшного не произойдет. Старушка мне тогда сказала, что хочет только добра для меня, а значит и для тебя.

Зося развязала тесемки и развернула ткань. Маленькая настольная иконка – Лик Божьей Матери с Младенцем, в золотом окладе, осыпанном драгоценными камнями. И такое же маленькое распятие Иисуса Христа, выполненное в том же стиле и, наверное, тем же мастером.

– Да, этот подарок не оценить словами – он бесценен, – изумленно прошептала Василина, – Смотри, ребенок, береги его. У меня вопрос только один: это – дар или наследство? И если это наследство, то какое отношение ты имеешь к княжескому роду? Очень жаль, что теперь эту тайну нам никогда не раскрыть. Все-таки зря я не выяснила, кто твой отец. Старая ведунья умерла через 10 дней после нашей встречи, почти одновременно с ней умерла и Зинушка. Вопросы задавать некому.

– Мама, какой княжеский род? Ты сама предполагала, что моим отцом может быть рядовой охранник или заключенный. А я что-то не слышала о князьях-уголовниках. Если бы в нашей колонии отбывали срок политические заключенные, тогда, конечно, можно было что-то предполагать. Я думаю, что старая княгиня чувствовала свою близкую смерть и хотела кому-то передать эти драгоценности, а ты ей понравилась. Она, наверное, и рукой к тебе прикоснулась, чтобы понять – какой ты человек. Мама, а как ее зовут? Может я через архивы смогу выяснить, остались ли у нее наследники, и передам им эти реликвии. Это не просто раритетные и дорогие вещи – это как ты правильно сказала – наследие, которое передается из поколения в поколение. Смотри, с обратной стороны есть непонятные символы, может это герб князей. Я читала, что на Руси знатные фамилии имели свой герб.

– Как ее звали, я не знаю. Спрашивала потом у Николая Степановича – он тоже ее имя не знает. Говорит, что было у нее мирское имя – матушка Ольга, – но свое настоящее имя она никому не говорила. Хорошо, ребенок, станешь взрослой, вот тогда и разберешься, кому принадлежат эти сокровища. Может, найдешь владельцев, а может, государству передашь. Пока подрастешь, прошу тебя, бережно храни, и с почтением к ним относись. А сейчас иди, я очень устала.

Временное улучшение состояния здоровья Василины было простой иллюзией. Страшные боли возвратились к ней буквально на следующий день. Зося металась между ее спаленкой, аптекой и домашними делами.

До начала занятий в техникуме оставались считанные дни, но Зося и не думала собирать свои вещи. Она твердо решила на год попросить академический отпуск по уходу за тяжело больной мамой. Василина пыталась, было, ее уговаривать – Зосино присутствие совсем не

обязательно и соседка поможет, и поликлиника, медсестра дежурит, и врач часто наведывается. Да и не может она, Василина, долго болеть – скоро поправится. Зося слушала, кивала, в знак согласия, головой, но в своем решении остаться дома, была тверда. Для Василины же, наоборот, Зосино присутствие, особенно, во время приступов боли, приносило еще большие страдания. Зося бледнела, глаза становились цвета холодного моря в непогожий день, руки немели и роняли все на пол.

– Ребенок, ты собрала свои вещи? Тебе уезжать пора.

– Нет, еще не собирала. Я, конечно, съезжу в Горевск и попрошу в техникуме академический отпуск или лучше сразу переведусь на заочное отделение. Но попозже.

– Так, Зося! Ты хочешь, чтобы я окончательно заболела? Сейчас же неси в мою комнату свою дорожную сумку и укладывай вещи. Забирай самое необходимое, остальное собери и отнеси к соседке. И швейную машинку тоже. Ты так хорошо научилась шить, поэтому машинка тебе очень может пригодиться.

– Мама, зачем к соседке? Пусть все будет дома.

– Нет, только к соседке. Меня могут положить в больницу, а сюда возвратится Олег. У тебя есть желание с ним увидеться? Нет? Тогда исполняй. С соседкой я уже договорилась. Свой образок положи в портфельчик. Пусть всегда будет с тобой. Не спорь со мной. Ничего дома ты не оставишь!

– Вот смотри, я уже упаковала сумку и несу в свою комнату. Сейчас иду к соседке. Ты успокоилась?

– Да, почти. Иди, занимайся своими делами, а мне принеси телефонный аппарат.

– Зачем он тебе? Давай я позвоню, ты только скажи, куда и что сказать.

– Я позвоню сама. Мне нужно с Иваном поговорить. Подожди, подай мне коробочку с ампулами и шприцами, пусть будут рядом. Знаешь, ребенок, я что-то сегодня устала и хочу сделать себе укол снотворного, чтобы нормально выспаться. Завтра утром за тобой заедет машина, – я Ивана собираюсь как раз об этом попросить, и отвезет тебя в Горевск. Так ты, пожалуйста, не заходи ко мне утром, я буду спать. Здоровье, как известно, возвращается во сне, вот ты и дай мне выспаться. Я с тобой уже сегодня попрощалась. Ты, доченька, береги себя. И помни, что у каждого из нас в жизни есть главный человек – это он сам. Если ты будешь себя любить, то и окружающие будут к тебе относиться с уважением. Ну, счастливой и долгой тебе жизни. Сейчас будешь уходить, так дверь в мою комнату плотненько прикрой, а если мне что-нибудь понадобится, то я постучу тебе в стену. Но, скорее всего, мне ничего не понадобится, так что ты тоже спокойно отдохни и выспись перед дорогой. Иди, мой дорогой ребенок, поскорее заканчивай свою возню с вещами и ложись спать.

– Спокойной ночи, мамочка. Пусть тебе приснятся хорошие сны.

Зося вышла из комнаты и плотно прикрыла дверь.

Василина взяла в руки шприц и несколько ампул с анальгетиком. Когда шприц был наполнен, набрала знакомый номер:

– Иван, ты все работаешь. Посмотри, ночь на дворе. Отдохнуть не успеешь.

– Здравствуй, Линочка, рад тебя слышать. Собираюсь зайти к тебе в гости. Разрешаешь? Как ты?

– У меня все хорошо, но от твоей помощи не откажусь. Отвези завтра дочку в Горевск. В гости приходи, обязательно. Завтра!

– Разве это помощь? Конечно, отвезем. И в гости приду.

– Пожалуйста, отправь машину с самого утра. Зосе выделено место в общежитии, а к любому руководителю – я имею в виду коменданта общежития, какой ни есть, а тоже руководитель, проще попасть на прием в первой половине дня.

– Лина, не беспокойся, все будет сделано. Водителю скажу, чтобы помог Зое. Вещи перенести, коменданта найти. Когда водитель возвратится из Горевска, я приду к тебе и все расскажу.

– Спасибо, Ваня. Приходи. Но я уверена, что действительно все будет хорошо – моя девочка, хоть и маленькая, но уже вполне состоявшийся человек. Но это еще не все – хочу, мой дорогой друг, прощения у тебя попросить за нашего неродившегося ребенка и несостоявшуюся совместную жизнь. Признаюсь, что я всю жизнь тебя одного любила, поэтому и Олега, наверное, терпела – виновата я была перед ним. Вроде, как и жена, но и не жена вовсе. Чужой человек. Ну, вот, кажется, и все. Спасибо тебе Ваня, что ты был в моей жизни.

– Подожди, Лина, почему был? Я и сейчас есть в твоей жизни. Если ты разрешишь, я завтра приду и заодно перевезу тебя к себе. С болезнью вдвоем легче бороться. А в том, что мы потеряли ребенка и не стали мужем и женой, я не менее тебя виноват. Нет, неправильно сказал – я один виноват. Но любовь мы с тобой не похоронили. Настоящая любовь, это хрупкая роскошь, не многие могут сохранить ее на всю жизнь. А я счастливый человек – моя любимая женщина всегда была и есть рядом со мной. Как хорошо, что мы, наконец-то, об этом поговорили! Ты раньше всегда аккуратненько уходила от разговора про наши отношения.

– Наверное, вспоминала про разбитый горшок, который не подлежит ремонту. Но у тебя еще и жена была, а потом и дочь родилась.

– Да, ты права, но они не смогли мне заменить тебя. А сейчас я совсем один остался – жена умерла, а дочь уехала. Давай, Линочка, я тебя к себе перевезу?

– Спасибо за предложение, но дай мне время подумать.

– Сколько лет ты снова будешь думать? Время так быстротечно, что я могу не дождаться твоего ответа.

– Я тебе завтра отвечу. Целую тебя, мой любимый, прощай!

Василина положила трубку и снова взяла в руки наполненный шприц.

«Все, мой жизненный круг сомкнулся. Я сама ухожу из жизни и, наверное, моя душа будет за это наказана. Но терпеть эту невыносимую боль сил уже нет. А еще и Зося – она не сможет спокойно учиться, все будет рваться домой, ко мне. А мне уже никто, ничем не поможет. Просто продлить агонию, а кому это нужно? Мне? Нет, мне не нужно, дикая боль рвет меня на части, спасения от нее пока никто не придумал, в конечном итоге я все равно умру. Возможно, в резерве у меня есть две-три недели, но это не продление жизни, а уход из нее. Зося завтра уедет и не увидит меня мертвой. И это очень хорошо – я для нее останусь навсегда живой!» Василина еще долго сидела, сгорбившись, на кровати, зажав в руке шприц и покачиваясь из стороны в сторону: может, запоминала Зосино лицо, смотрящее на нее с фотографии на противоположной стене, а может любимый каштан за окном спальни. Она не заметила, когда квартира заполнилась ночной тишиной: Зося угомонилась, ушла в свою комнату. Василина выпрямилась, сжала губы и решительно ввела себе все лекарство из шприца, затем вторично его наполнила и снова сделала укол. Почти сразу ее глаза закрылись, и она уснула, чтобы никогда больше не проснуться. Через несколько часов ее дыхание стало судорожным, потом редким и, наконец, совсем прекратилось – Василина сделала последний шаг и вышла из своего земного коридора. Постепенно с ее лица ушла гримаса боли и страданий, оно странным образом изменилось. Все складочки на лице Василины разгладились, кожа натянулась, стала гладкой и прозрачной. Губы, покусанные в минуты приступов боли, слегка полуоткрылись, открыли ровную полоску белых зубов, лицо осветилось загадочной улыбкой счастья и покоя, засияло молодостью и красотой.

Зося, уставшая от череды бессонных ночей и дневных забот, в этот вечер заснула быстро и крепко. Но среди ночи вдруг проснулась от пронзительного стука сердца. Она подскочила с кровати: «Это, наверное, мама долго стучала в стенку, а я не слышала, все спала». Она прижала кулачком свое больно стучащее сердце и побежала к Василине, тихонечко поскреблась в дверь

– все тихо. Прислушалась, снова тишина. Тогда она потянула за ручку дверь и в образовавшуюся щелочку, заглянула в комнату – луна освещала часть комнаты и изголовье кровати.

Высвеченное луной лицо Василины поразило Зосю своей безмятежностью и красотой. Василина тихо спала и во сне улыбалась. Зося осторожно прикрыла дверь и возвратилась в свою комнату – пусть мама спит, она так хотела выспаться! Нужно постараться и утром ее не разбудить.

Но Зосино сердечко болезненно ныло и билось, как маленькая птичка, попавшая в силок. Из глаз, почему-то, ручейком потекли слезы, начали стекать по щекам и капать на ночную рубашку. Вскоре ворот рубашки стал влажным и неприятно холодным. Зося встала, переоделась, постояла возле окна:

«Что это со мной? Лежу и рыдаю от жалости к себе. Мама болеет – так она вчера сказала, что скоро поправится. Я уеду, а она ляжет на лечение в больницу, и все будет хорошо. Это, наверное, меня луна разбудила – я на ночь забыла шторы задернуть. Мама никогда не забывала этого сделать, когда раньше меня сама спать укладывала. Она говорила, что луна может быть очень коварной, особенно, когда наступает полнолуние, и способна серьезно навредить энергетике организма»

Зося задернула шторы, улеглась в кровать, завернулась в теплый плед, но сон так и не пришел. Руки и ноги были холодными, а все тело бил мелкий противный озноб. Она встала, оделась, снова подошла к двери в мамину комнату, прислушалась – там все было тихо и спокойно.

Значит, мама крепко спит, и ночью боли ее не беспокоили.

«Радуйся, – приказала себе Зося, – мама начала выздоравливать! Нужно приготовить ей на завтрак бульончик. Проснется – кушать захочет. Татьяна Ивановна пока разберется с моими продуктовыми запасами, а тут все готово».

Зося отправилась в кухню – до приезда машины она должна успеть. Бульон был готов и завернут в махровое полотенце, когда в дверь позвонили. Зося открыла дверь, и водителю, который за ней стоял, знаком приказала не шуметь.

– Мама спит, – прошептала она, – вы возьмите мои вещи, я зайду к соседке, отдам ключи от квартиры и спущусь.

Зося вышла на лестничную площадку и позвонила в соседнюю дверь:

– Татьяна Ивановна! За мной уже приехала машина, вот Вам ключи от нашей квартиры. Мама еще спит, она просила ее не будить, поэтому я к ней не зашла, мы вчера попрощались, а через два месяца я приеду домой на первые каникулы. Татьяна Ивановна, я на завтрак маме приготовила бульон, если Вы ее через часик разбудите, то он еще будет теплый. Ну, а дальше готовьте Вы – холодильник забит продуктами, о ее диете я Вам рассказала, рецепты оставила на кухне. Вы не забывайте, пожалуйста, что строгая диета – это обязательное условие.

– Не беспокойся, Зоя. Помню я все твои наказы и буду строго их соблюдать. Давай, учись. И приезжай на каникулы. Мы тут с твоей мамой тебя ждать будем.

– Мне как-то тревожно – боюсь за маму, и уезжать нет никакого желания. Может, мне все-таки остаться?

– Что ты, Зоя? Маму нужно слушаться – сказала ехать в Горевск, значит исполняй. А здесь мы справимся.

– Спасибо Вам, Татьяна Ивановна. Передайте маме, что я ее обнимаю и целую. Ну, я пошла, а-то водитель заждался.

Зося села в машину, и всю дорогу, до Горевска, молчала.

Водитель в зеркале обзора видел ее сдвинутые брови и маленький кулачек возле щеки: «Горюет как старушка, – подумал он, – наверное, Василине Дмитриевне плохо. Жалко девочку, пропадет без Василины. Кому она нужна, когда даже родная мать от нее отказалась»

Без всяких проблем Зося получила место в комнате, где уже жили две девочки. Водитель принес Зосину сумку и уехал в Ивановск. Зося не стала разбирать свои вещи, а постелила постель, улеглась и отвернулась к стене. Девчонки пытались ее разговорить, но безрезультатно – узнали только, что зовут ее Зося, и приехала она из Ивановска. До начала занятий оставалось еще два дня – наговоримся, решили девочки и убежали в кинотеатр, шел клевый фильм. Когда они возвратились в общежитие, Зося, все так же, лежала на кровати, лицом к стене.

А в Ивановске Татьяна Ивановна долго топталась в прихожей перед дверью Василины, и все не решалась постучать или просто открыть дверь. Потом пугающая тишина в комнате насторожила ее, и она постучала в дверь. Не дождавшись ответа, Татьяна Ивановна открыла дверь и вошла в спальню Василины. Старая женщина взглянула на спящую Василину и поняла, что это вечный сон, Василина уже несколько часов, как мертва. Татьяна Ивановна задернула штору на окне, салфеткой прикрыла зеркало на туалетном столике, там же и записку нашла: «Татьяна Ивановна, позвоните на тел. … и спросите Ивана Сергеевича. Скажите ему, что меня больше нет, и отдайте мое письмо. Нашли? Я его не прятала – лежит на тумбочке, возле моей кровати. Зосеньку ни в коем случае не возвращать из Горевска! Спасибо за все. Василина»

Татьяна Ивановна набрала указанный номер:

– Здравствуйте, Иван Сергеевич! Звоню Вам по поручению Василины Дмитриевны.

– А где она сама? Если рядом с Вами, передайте ей трубку.

– Да, она рядом со мной, но к телефону уже никогда не подойдет – она ночью умерла. Вам вот письмо оставила.

В трубке повисло молчание, слышно было только потрескивание и шум эфира.

– Алло, Иван Сергеевич, Вы слышите меня? Что мне делать? Вызывать милицию, скорую помощь? Что делать?

В голосе Татьяны Ивановны звучало отчаяние.

– Ничего не надо делать. Мы сделаем все сами. Вы побудьте пока с Линой. Я выезжаю к вам.

Каким-то другим голосом наконец-то отозвалась трубка.

Через полчаса Иван Сергеевич уже сидел возле кровати, на которой лежала Василина, и читал письмо:

«Видишь, Ваня, как быстро я тебе ответила. Я знаю, ты простишь меня и поймешь, что у меня не было выбора. Разве могла я допустить, чтобы любимые мной люди – ты и Зося, – мучились от боли за меня. Я богом наказана за земные грехи, сама и буду отвечать. За Зосю очень боюсь и беспокоюсь, но тебя о помощи ей не прошу – она гордая, помощь со стороны не примет. На похороны ее не привози, через дней десять отвези ей прилагаемую записку и расскажи обо мне. Заодно прихвати для нее мою швейную машину – она у Татьяны Ивановны. Прощай. Целую. Твоя Василина.

P.S. Если бог пошлет мне еще одну жизнь, то где бы ты ни был, я найду тебя и больше никому не отдам»

Вызванная Иваном Сергеевичем врач, констатировала смерть от передозировки анальгетика, но в справке указала смерть от болезни – Иван Сергеевич не мог допустить, чтобы в Ивановске судачили о том, что Василина совершила суицид.

Гроб с телом Василины отвезли до похорон в актовый зал райисполкома. Ночь перед похоронами Иван Сергеевич провел один, возле своей обожаемой женщины. Василина уходила от него в другую жизнь молодой, красивой и беспечной. Как на той фотографии из их счастливой молодости. Он хранил эту фотографию в своем бумажнике долгие годы – на ней Василина с венком на голове из полевых васильков среди колосьев ржи. Он сам тогда ее сфотографировал в житном поле. И васильки сам рвал, а, заодно, шутливо корил молодого агронома за то, что поле недостаточно добросовестно пропололи от сорняков. Василина, розовая в лучах солнца, смеялась по поводу и без повода, только палец покажи, а из сорняков венок сплела и одела

ему на голову, чтобы не строил тут из себя строгого начальника. Там, где поле примыкало к опушке леса, и случилась их первая близость. Какими неумелыми, но счастливыми они тогда были – все впервые – у нее мужчина, а у него женщина. Жизнь только начиналась и, казалось, не будет ей конца! Он видел свою дальнейшую жизнь только с Василиной – вместе и навсегда!

«Ты моя, ты моя», – кричал он лесу и полю.

«Ты мой, ты мой», – эхом вторила ему Василина».

И вот, надо же, гордыня и людская зависть развели их в разные стороны – ее к чужому мужчине, его к нелюбимой жене. Ах, Лина, Лина!

Утром гроб с телом Василины уже утопал в цветах – были тут и васильки, и любимые ее полевые ромашки, – со всего района собирались посланники колхозов и совхозов проводить ее в последний путь.

Иван Сергеевич тяжело поднялся и пошел к выходу из зала – ему нужны силы, чтобы прожить этот самый тяжелый день своей жизни и не свалиться с ног от горя и тоски.

Олег тоже, по-своему, прощался с женщиной, которая два десятка лет была ему горничной, поваром и садовником в одном лице – в чистой, ухоженной квартире Василины был накрыт стол на две персоны. Даже в магазин не пришлось бежать, все было под рукой, в холодильнике. Олег со своей сожительницей – краснолицей и красноносой девицей неопределенного возраста, уютно расположились на кухне, и рюмка за рюмкой желали пуховой земли для бывшей хозяйки квартиры. А как же иначе? Они знали русские обычаи, ну а если был повод, то почему бы и не погулять? Олег давно не работал, жил на деньги, которые украл у Василины. Деньги закончатся, так есть еще дача с ухоженным домиком, тоже денег стоит. Не берут на работу, ну и не надо, он и без работы проживет. Да что там проживет – будет сыт и пьян каждый день, хватит и на бутылку, и на закуску!

На девятый день после смерти Василины Иван Сергеевич поехал в Горевск, чтобы передать Зосе швейную машинку вместе с письмом от Василины и в старенькой городской церкви заказать панихиду по усопшей.

Сначала он встретился с отцом Василием, которого знал много лет и иногда по его просьбе помогал церкви справиться с текущими бытовыми проблемами: то строителей из района пришлет крышу подлатать, а-то и строительными материалами поможет. Районные строителя знали, что помощь церкви, это нарушение партийного устава. Если узнает партийное руководство, то обязательно последуют разборки в парторганизации, а затем, возможно, и увольнение с работы. Но в церковь ехали охотно, работали быстро и добросовестно, а в Ивановске рассказывали, что были на аврале по поводу сдачи коровника или свинарника. Не часто это случалось, но случалось – церковные постройки, как и все земное, требовали внимания и заботы.

– Здравствуйте, Отец Василий! Просьба у меня к Вам – сегодня девятый день, как умерла Василина Дмитриевна, мой заместитель. Молитвы бы почитать за упокой ее души.

– Конечно, почитаем. Давай записочку с ее именем.

– Она не совсем своей смертью умерла, в отведенный ей жизнью час. Тяжело болела, боли были страшные, вот и сделала себе укол, от которого больше не проснулась. Наверное, по церковным канонам это грех большой. Вот поэтому сразу к Вам и не приехал. А сейчас подумал и решил, что в любом случае нужно с Вами посоветоваться, Вы знаете, что в этом случае нужно делать.

– Да, грех большой. Крест свой нести нужно до самого конца. Но молитвы за упокой ее души я почитаю. Езжай, с Богом, не беспокойся, все сделаю.

Иван Сергеевич поехал в общежитие техникума, но Зоя вместе со всеми однокурсниками уехала в колхоз, на уборку картофеля. В общежитии он оставил швейную машину, а сам отправился искать Зосю. В колхоз, где работали дети, он приехал во второй половине дня.

«Это хорошо, что колхоз не на территории нашего района, – размышлял Иван Сергеевич, – в нашем районе не было такого колхоза, из которого бы не приехали на Линины похороны. И Зоя могла случайно услышать о том, что были похороны в Ивановске. Но как ей все рассказать?»

Зосю Иван Сергеевич разыскал на картофельном поле. Когда они подъехали, Зося подходила к бурту с тяжелым ведром картофеля. Увидела их и направилась к машине.

«Ты, смотри, – удивился Иван Сергеевич, – у нее походка, как и у Василины была. Та же стать! По полю шагает, словно, по паркету на высоких каблуках. Молодец, девочка, вся в маму!»

– Здравствуйте, Иван Сергеевич! Мама умерла?

– Да, детка. Вот письмо просила тебе передать. А ты откуда знаешь? Сказал кто-то?

– Я давно знаю. По дороге в Горевск догадалась. Хотела возвратиться, но мама мне приказала уехать – не посмела ослушаться. Давайте письмо.

Зося взяла сложенный листок бумаги, погладила его рукой и бережно спрятала в карманчик своей куртки.

– Потом прочитаю – когда останусь одна.

– Как ты устроилась, Зоя. Где живешь, я уже знаю, заезжал в общежитие. Как учеба? Как здоровье?

– Все хорошо, Иван Сергеевич. Да, живу в общежитии. Комната маленькая, но чистенькая и уютная. Мы в ней втроем живем. Мне предлагала моя однокурсница – Людмила, переехать к ней жить, но я не захотела. Буду жить в общежитии, так надежнее – кому нужен чужой человек? А учеба у нас еще не началась: с первого же дня нас отправили картошку копать. Но, я думаю, что и с учебой справлюсь.

Иван Сергеевич внимательно всмотрелся в лицо девочки – лицо осунулось и побледнело, вокруг глаз темные круги.

– Ты, Зоя, всегда можешь рассчитывать на мою помощь и поддержку. Я могу тебе деньгами помогать и на каникулы забирать к себе домой.

– Спасибо, но у меня все есть – стипендия назначена, место выделено в общежитии. Я справлюсь сама. Вы лучше за маминой могилкой присмотрите.

– О чем ты просишь, Зоя? Я каждый день бываю на ее могилке и пока сам жив, то Лина не будет забыта. Учись и сил набирайся. Это твоя главная на сегодняшний день задача.

Только поздним вечером, когда девчонки ушли на танцы в местный клуб, Зося развернула последнюю мамину записку:

«Здравствуй, мой дорогой и любимый ребенок! – буквы легко и ровно бежали по смятому листку из школьной тетради, – Помнишь, что ты мне обещала? Учиться, учиться, и учиться… Возможно, эта фраза затаскана до дыр и превратилась в клише, но именно она точно определяет мой последний наказ своей доченьке. Только образованный и самодостаточный человек может обеспечить свое независимое будущее. Я верю в тебя, мое солнышко. Живи долго и счастливо. Целую. Твоя самая родная мама»

Глава 5

Настоящая учеба в техникуме для Зоси началась только в начале октября – для нее это были обычные школьные уроки с простой школьной программой. Специальные предметы по профессии в техникуме изучали, начиная со второй половины третьего курса. Куратор их группы, Роза Самуиловна, лингвист по образованию, была свободна от семьи и домашних забот – муж три года назад умер, а единственный сын работал в Израиле. Роза Самуиловна за короткое время сумела протоптать дорожку к сердцу каждого своего подопечного. Только Зоя Ромашова, староста их группы, близко к себе никого не подпускала. Даже ее, казалось бы, верная подружка, Люда Пименова не смела вторгаться на личную территорию Зосиной жизни. В начале учебного года Люда пыталась пригласить Зосю после занятий погулять, сходить в кино, на стадион или пообедать вместе в студенческой столовой, но Зося категорично все предложения отклоняла – она устала и хочет отдохнуть. А дело было вовсе не в усталости: Зося училась жить по средствам. А они были совсем незначительные. Та небольшая сумма, которую смогла выделить ей мама, растаяла и утекла просто в никуда.

«Жить по принципу, куда кривая выведет, нельзя, – укоряла себя Зося, – деньги просто необходимо научиться считать и тогда все получится. Получу стипендию – сразу нужно заплатить за место в общежитии, отложить 2-3 рубля на чулки, носки. То, что осталось на питание, разделить на тридцать дней. И за пределы, установленной суммы, никогда не выходить, что бы ни случилось». Но ее ежедневные расходы были настолько мизерны, что за них нельзя было пообедать в студенческой столовой даже один раз в сутки.

Основной набор продуктов, которые могла позволить себе Зося – картофель, капуста, молоко, растительное масло и черный хлеб. Один или два раза в месяц, при условии жесточайшей экономии, она ходила в местный кинотеатр, а потом заходила в овощной магазин и покупала баночку фасоли в томатном соусе. Какая же вкусная была эта фасоль! Бутерброды из фасоли на черном хлебе были ничуть не хуже крутонов с паюсной икрой, которые обычно готовила мама на праздничный стол.

Ее соседки по комнате в общежитии обедали в студенческой столовой и о Зосином ежедневном меню даже не догадывались. Внешне спокойная и уравновешенная Зося никогда не участвовала в их перебранках по любому поводу, будь это не подметенный пол в комнате или внимание одного мальчика на двоих. Мальчики ее пока не интересовали, а пол она могла подметать и каждый день, не ожидая свою очередь.

Впрочем, в дискуссиях на тему правильного решения домашних заданий Зося всегда принимала самое активное участие. У девчонок стало правилом – не знаешь или не понял, спроси у Зоси, она поможет и подскажет.

Ира Гвоздикова и Инга Золотарева были старше Зоси на целый год.

Обе из благополучных семей с любящими мамами и папами. Но какие, же они были разные! Тоненькая, грациозная Ира, с большими карими глазами и темными волосами привлекала внимание не только своих однокурсников, но на нее заглядывались уже и ребята со старших курсов. Инга Золотарева – крикливая, и всем недовольная особа с кривыми ножками и горбатеньким длинным носиком, мальчишеским вниманием была обделена, а потому следовала за Ирой постоянной тенью – может и ее, назло Ирке, заметят.

На новогоднем техникумовском мероприятии, как всегда закончившемся танцами под самодеятельный, надо отдать должное – приличный инструментальный ансамбль, Иру заметил и подошел пригласить на танец студент третьего курса, Петя Котович. По лицу Инги пробежала тень зависти – мальчик ей понравился.

Высокий, с вьющими русыми волосами и голубыми глазами юноша явно уделял много внимания спорту. Его широкие плечи и накаченные бицепсы уже, наверное, разбили не одно девичье сердце. Парень тоже был приезжий, из другого города, и жил в их общежитии, этажом повыше. Так вместе, втроем, в этот вечер они и возвратились в общежитие. Инга не чувствовала себя третьей лишней, наоборот, старательно оттесняла Иру на задний план – вспомнила все ее неудачи в учебных классах и не украшающие Иру курьезы из совместного проживания в общежитии.

Над подружкиными остротами Ира смеялась вместе с Петей, но в своей комнате набросилась на Ингу с кулаками.

Инга вцепилась ей в волосы. Завязался самый настоящий кулачный бой, сопровождающийся базарной перебранкой.

– Дрянь, дрянь, – кричала в ярости Ира, – не смей больше таскаться за мной. Посмотри на себя – уродина кривая. С тобой стыдно даже по улице идти рядом, а ты еще и язык свой поганый распускаешь.

– Сама уродина, тебя бог умом обидел. Петя не будет с тобой дружить, он умных девочек предпочитает.

– Это тебя, что ли?

– А хоть бы и меня. Ему со мной было весело.

– Девчонки, прекратите, – кинулась к ним Зося, – вы, что мальчишку не поделили, что ли? Посмотрите на себя – две красные растрепанные дуры. О, да вы еще и расцарапанные все. А домой, на каникулы как поедете? Что о нас ваши родители подумают? Наверное, решат, что у нас тут военные сражения каждый день. Ты Инга, иди, умойся. А твои царапины, Ира, мы сейчас йодом обработаем. Ну, давайте, расходитесь.

Зося осматривала расцарапанные Ирины руки и вздыхала:

– Глупенькие несмышленыши! Поддерживать друг друга надо, а не драться по каждому пустяку.

– Так разве это пустяк, когда тебя высмеивает подруга при мальчике? Он, видите ли, ей тоже понравился. Какая она все-таки подлая, эта Инга!

– Подожди, не спеши приклеивать Инге ярлыки. Мы пока еще недостаточно знаем друг друга. Может, она не такая уж и подлая, просто у нее с юмором не все в порядке. А ваш Петя должен сам разобраться, кто ему больше нравится – ты или Инга. И вам из-за него не стоит драться. Разве правильно навязывать свою любовь или даже дружбу другому человеку? Ну, что, успокоилась?

– Да, все нормально. Зося, а давай мы Инге предложим переехать жить в другую комнату.

– Мне никто не мешает. А свои взаимоотношения вы, пожалуйста, улаживайте без меня.

Ира в этот же вечер попросила Ингу переехать жить в другую комнату. И пригрозила заявлением коменданту. Инга прикинула, что может потерять постоянного репетитора по всем предметам в лице Зои Ромашовой, и дала задний ход.

– Ирочка, дорогая моя подружка, прости ты меня неразумную. Не знаю, что на меня нашло. Никогда, слышишь, никогда это больше не повторится.

И примирение тут же состоялось. Правда, все они оценили это событие по-разному.

Ира была довольна собой – не такая уж она и дура, если сумела поставить на место высокомерную Ингу. Инга запомнила свое унижение и готовила яд, чтобы при случае ужалить Иру побольнее. А Зося просто радовалась, что в комнате наступила тишина, можно снова спокойно составлять словарь английских слов. Английским языком она увлеклась всерьез, и все свободное время учила слова и записывала их в свой словарь.

На следующий день к ним в комнату зашел Петя. Ира с Ингой засуетились, разволновались, начали торопливо собирать и прятать в шкаф разбросанные вещи. Петя уселся на предложенный ему стул, выслушал Ирин рассказ о новом интересном фильме, который шел во всех

кинотеатрах. Но в кино девчонок не пригласил, а пересел поближе к Зосе и заглянул в ее тетрадку:

– Понятно, английский зубрим. А что это у вас программа какая-то странная – мы этого не проходили.

– Это не учебный материал, – ответила Зося, – просто слова учу из журнала.

– Здорово! Давай вместе разбираться. Я принесу хорошие словари с транскрипцией каждого слова – у меня их много. Мне тоже всегда хотелось свободно владеть английской разговорной речью – да все времени не хватало. Тебя как зовут?

– Зоя Ромашова.

– Так значит, ты и есть тот вундеркинд с первого курса, о котором Роза Самуиловна всем взахлеб рассказывает? Дома тебя мама как называет?

– Для мамы я – Зося.

– Очень необычное для наших краев имя. Так паненок польских зовут. Мне нравится. Можно и мне тебя так называть?

– Конечно, можно. Только я не польская паненка, я – местная, из этих краев.

– Что ты оправдываешься? Имя красивое и сама ты интересная. Когда на каникулы уезжаешь?

– Я останусь здесь. Хочу языком позаниматься, да и мама надолго уехала в командировку.

– Тогда я за словарями.

– Петя, – не выдержала Инга, – а ты когда уезжаешь?

– Вообще не уезжаю, – наш ансамбль на все каникулы расписан на концерты. Остаюсь здесь, я единственный в ансамбле играю на саксе.

– Вот дела, – помрачнела Инга, – а меня родители завтра будут встречать на вокзале. Придется ехать, иначе мама скандал учинит.

Девочки уехали, и Зося на целых две недели осталась в комнате одна. Боль и тоска от потери самого дорогого в ее жизни человека не покидала ее ни на минуту.

О том, что мама умерла, Зося никому не сказала. Только Людмила сразу заметила, что Зося приехала из своего Ивановска мрачная, подавленная и какая-то другая, но в душу к подруге лезть не стала. Пройдет время и все образуется.

А сейчас самое главное то, что Зося безотказно помогала Людмиле долбить гранит науки. Люду вполне такие взаимоотношения устраивали – и помощь всегда под рукой и она, Милочка, за это никому и ничего не должна. На каникулы у нее были свои, давно составленные планы. В первые каникулы она мечтала оторваться по полной программе и тихая, скромная, а в последнее время и какая-то отрешенная Зося в эту программу не вписывалась. Поэтому в последний день учебы Милочка чмокнула Зосю в щеку и пожелала счастливых каникул. О том, что мама и сестра просили пригласить Зосю к ним в гости, ну хотя бы на один или два дня, Люда умолчала. Да ну ее, эту Зоську! Скучная, как серый осенний день Зося своим видом могла испортить настроение всей веселой Милочкиной компании.

Зося вовсе не обижалась на Людмилу, она действительно очень хотела остаться одна. Будет время и маму вспомнить, и о себе подумать. Но поплакать и погрустить в тишине у Зоси не получилось! Петя притащил толстенные словари английского языка. Кроме своих собственных словарей, которых ему показалось недостаточно, он собрал всю учебную литературу по английскому языку у своих друзей.

– Так, Зося, давай планировать наши каникулы.

– Подожди, у тебя же все уже спланировано и расписано.

– Да, это так. Но сейчас мы все подкорректируем, подожмем и совместим наши планы. С утра я свободен, свободна и ты. Значит, мы вместе занимаемся английским. Затем у меня репетиции, а ты решаешь свои хозяйственные проблемы. На мои концерты вот тебе пригласи-

тельные. В спортивный зал и на лыжный пробег вместе. Мы еще и время выкроим сходить на каток. Все, и не спорь.

– Я и не спорю. Я давно не была в спортивном зале, а вот с лыжами и коньками у меня проблема. Никакой устойчивости, постоянно падаю. Поэтому у меня никогда коньков не было.

– Эту проблему мы решим – поддержим тебя в нужную минуту, чтобы ветром не унесло. А коньки и лыжи возьмем напрокат. Мне за концерты, между прочим, деньги платят. Так, что гуляем!

– Не гуляем, а правильно проводим свободное время, – уточнила Зося.

Зося и не заметила, как закончились эти удивительные каникулы. Скучная зубрежка английских слов превратилась в системные занятия по изучению языка. В отведенное ей свободное время для хозяйственных проблем, Зося успевала разобраться в очередной главе из учебника. На следующий день этот материал они разбирали вместе с Петей. У Пети была отличная память, поэтому повторению пройденного отводился минимум времени. Кроме того, Зося писала обстоятельные конспекты, к которым всегда можно было обратиться за подсказкой.

Во всем остальном непререкаемым лидером был Петя. Петя с детства любил опекать и поддерживать малышню. Сам он вырос в типичной неполной семье. Его маму во всех инстанциях называли матерью-одиночкой. Правда, сам Петя всегда не понимал, почему мама-одиночка? Они вдвоем с мамой, значит, мама уже не одинока. А кроме всего, их дом всегда был полон малышней.

Клавдия Ивановна Котович обучала детей книжной мудрости с первого по четвертый класс. С каждым своим учеником находила общий язык и совместные интересы. Дети быстро привязывались к ней, доверяли свои маленькие тайны и очень часто нуждались в ее советах и поддержке. В их доме постоянно кого-то подкармливали или вытирали слезы и промокший от детского горя нос. Петя охотно возился с детьми. Разыскивал спрятавшихся малышей в укромных местах, которые он знал наизусть, правил забавные рисунки, разнимал драчунов и наказывал виновных. Они жили вдвоем с мамой на скромную зарплату учительницы младших классов, но для малышей всегда находилось маленькое угощение. Петя очень рано понял, что мама перегружена работой – в школе дополнительные часы, чтобы хоть как-то решить материальные проблемы, а дома стирка, уборка и прочие хозяйственные дела. Иждивенцем Петя быть не хотел, и поэтому постепенно оттеснил маму от домашних дел. На карманные расходы деньги он у нее никогда не просил – решал эту проблему самостоятельно. Выручало вторичное сырье. Школе даже план доводили по сбору утиля. Вот Петя и решал сразу две проблемы – школе выполнение плана по сдаче макулатуры и металлолома, а себе карманные деньги. Десять классов он решил не заканчивать – техникум обеспечивал ему десятилетнее образование, а еще и профессию в придачу. Кроме всего, если нормально учиться, то вместо макулатурных денег можно получать стипендию. Мама сначала возражала, а потом решила: Петя человек ответственный и если он сделал выбор, то надо с ним считаться. Направление в техникум на учебу он получил без особых трудностей. Банки охотно обучали молодых парней своей профессии. Специфика банковской работы сформировала в этих финансовых учреждениях устойчивые женские коллективы. Не каждому это дано – провести целый день в поисках затерявшейся копейки, из-за которой не верстается баланс или складывать засаленные купюры в пачки, сидя в банковском хранилище, где с устоявшимся специфическим запахом бывших в неоднократном употреблении купюр, не могла справиться никакая вентиляция. Женская скрупулезность и педантизм высоко ценились банковскими руководителями, но управлять таким коллективом задача не из легких. Поэтому и стремились банкиры привлекать на учебу в ведомственные учебные заведения молодых и перспективных мужчин. В дальнейшем переучивать не надо, а возрастной ценз позволяет вырастить руководителя.

Петя скоро должен был окончить техникум, но банковским служащим себя не видел. Особой усидчивости он в себе не наблюдал, с цифрами возиться не любил. Какой из него бух-

галтер или кассир? Свою дальнейшую судьбу он хотел связать с армией. Поэтому его планы на ближайшее будущее предусматривали службу в армии или поступление в военное училище.

На каникулы домой он уезжал редко – записывался в студенческий стройотряд или выступал с концертами в составе своего ансамбля. Конечно, деньги небольшие, но заработаны они собственным трудом. Парень твердо следовал своим принципам о самостоятельном жизнеобеспечении.

В Зосе он сразу заметил ту усидчивость и упорство в достижении задуманного, которых не было у него. Ведь никто не заставлял ее заниматься английским языком. Сама упорно изучает разговорную речь жителей туманного Альбиона и его, Петю, тянет за собой. Казалось бы, короткие каникулы, а они уже возвращаясь из кинотеатра, простенький диалог сумели составить о героях фильма.

И вообще Зоська классная девчонка! Глаза огромные, серо-голубые. А волосы! Копна ее волнистых волос весит, наверное, побольше, чем сама худышка Зоська. Маленькая она еще совсем, и какая-то очень грустная. Там где все хохочут – по лицу Зоськи, словно тень, улыбка скользнет, но и это уже событие.

Один раз только Петя слышал, как Зоська заливисто смеется.

Отправились они кататься на лыжах. Сначала в пункте проката никак не могли подобрать для девочки ботинки – очень маленькие у нее оказались ноги. Потом сообразили на эти маленькие ноги надеть две пары носков и туго завязать шнурки. Теперь лыжи вроде и держались на Зосиных ногах. Старый парк зимой был любимым местом всех горожан – одни катались на лыжах, другие просто гуляли по парковым заснеженным аллеям. Каждый год заядлые лыжники прокладывали лыжню по давно сложившемуся маршруту – сначала она уходила в глубину леса, и виляла в сумраке между старыми соснами, а затем неожиданно выскакивала на залитое светом и застеленное толстым снежным одеялом поле. Казалось, что конца и края этому полю не будет – такое оно было чистое, белоснежное и сверкающее. Но в конце поля лыжников ждал сюрприз – спуск в старый овраг с достаточно крутыми откосами. Те, кто любил экстрим проводили на этом спуске целый день. Спуститься, соблюдая осторожность, без синяков и ушибов, могли многие. А вот подняться наверх – это была тяжелая работа. Преодолеть подъем с первой попытки удавалось немногим. Лыжи скользили и срывались вниз, увлекая за собой и незадачливых лыжников. Здесь всегда было многолюдно, шумно, смешно и весело.

Зося на удивление легко преодолела всю трассу. Но, когда они с Петей подъехали к спуску, она решительно отказалась спускаться:

– Петя, ты спускайся, я тебя здесь буду ожидать.

– Нет, уважаемая, или вместе спускаемся, или возвращаемся назад.

– Петя, пожалуйста, не обращай на меня внимание. Спускайся – по глазам вижу, что тебе очень хочется прокатиться с ветерком.

– Нет, Зоська, или вместе, или никто.

И Зося согласилась. Спустились вниз они без особых приключений. Но вот подъем Зося осилить никак не могла. И лыжи «елочкой», и Петина рука ситуацию не исправляли: Зосины лыжи упорно сбрасывали ее вниз. В конце концов, с Зосиных ног упали ботинки вместе с лыжами и скатились вниз, а Зося осталась разутая на склоне. Сначала она испугалась, а, может, просто засмущалась от своей неловкости, а потом посмотрела на свои несуразные ноги в толстых носках, заулыбалась и залилась счастливым колокольчиком. Петя снял со своих ботинок лыжи, закинул смеющуюся Зосю на плечо, и поднялся с ней наверх.

– Жди меня здесь, сейчас принесу твои ботинки с лыжами.

– О, какие люди, – к ним ловко подкатила на лыжах рыжая девчонка, – здравствуй, Зося! А почему ты здесь? Разве ты не уехала в свою деревню? Может, познакомишь меня со своим товарищем. Я видела, как он тебя наверх поднимал, славненько так, словно, мешок с картошкой!

– Ты снова все забыла, Людмила! Во-первых, я приехала из районного центра, а не из деревни. Во-вторых, я тебе говорила, что моя мама уехала в длительную командировку, поэтому я осталась здесь. Моего товарища зовут Петя, он тоже учится в нашем техникуме, двумя курсами старше. Петя, это моя однокурсница, Милочка.

– Зося, а почему ты не сказала, что я твоя лучшая подруга? Ну, да ладно. Петя, ты, кажется, собираешься вниз спуститься? Давай вместе, я на лыжах давно катаюсь, тебе не будет за меня стыдно.

– Ты извини, Мила, мы с Зосей решили уже возвращаться, поэтому я тебе компанию составить не могу. Ну, пока!

Петя принес Зосины ботинки, надел ей на ноги и они поехали через поле к лесу. Люда сразу потеряла интерес к спуску, развернулась, и хотела было догнать эту задавалу Зоську, но вспомнила насмешливые глаза ее спутника и решила, что не следует торопиться, у нее еще будет время поближе познакомиться с Петей. Она сразу узнала парня – Ира с Ингой всем девчонкам в группе о нем уши прожужжали. Нужно чаще заходить к Зоське в общежитие, ведь Петя тоже там живет. Придется Зосю попросить, чтобы подтянула подругу по химии. Все на курсе знали, что Ромашова человек бескорыстный и безотказный. И многие этим пользовались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.